автограф
К25 5/41

В. А. ВОЛЕГОВЪ,

КАКЪ ИСТОРИКЪ СТРОГАНОВЫХЪ.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ РОДА СТРОГАНОВЫХЪ.

Изслѣдованіе

А. А. Дмитріева.

ПЕРМЬ

1884 Г.

Ростовъ-Ярославскому
Димитрію Ивановичу
Иловайскому
отъ автора
Ярославль 18 VIII 13 г.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
М 107621-28

10762
23-III-28

Ѳ. А. ВОЛЕГОВЪ,

КАКЪ ИСТОРИКЪ СТРОГАНОВЫХЪ.

Во многихъ статьяхъ по исторіи Пермскаго края, напечатанныхъ въ Пермскихъ Губернскихъ *Вѣдомостяхъ* за послѣдніе два года, мы имѣли случаи говорить о Ѳедотѣ Алексѣевичѣ Волеговѣ, для своего времени и мѣста во многихъ отношеніяхъ замѣчательной личности, оставившей замѣтный слѣдъ въ умственной жизни Пермскаго края. Среди массы заботъ по службѣ, гдѣ-то въ сельской глуши, ни для кого не замѣтно, но постоянно и упорно работалъ этотъ труженикъ надъ всесторонниимъ изученіемъ своего любимѣйшаго предмета—исторіи Пермскаго края вообще и своихъ патроновъ, Строгановыхъ, по преимуществу. *Обязанный имъ образованіемъ*, всѣмъ запасомъ своихъ широкихъ теоретическихъ и практическихъ знаній, взысканный ихъ довѣріемъ къ нему, положившій труды цѣлой жизни на служеніе этому именитому роду, Ѳ. А. Волеговъ отдавался изученію его исторіи всецѣло, всею душою, полною неутолимой жажды знанія излюбленнаго предмета. Читая оставшіяся послѣ его многочисленныя рукописи, содержаніе которыхъ обнимаетъ изучаемый предметъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, невольно изумляешься, какую массу труда и времени положилъ этотъ человѣкъ, обремененный нелегкою и отвѣтственною службою, на изученіе одного предмета, удивляешься его основательному зна-

нію громаднаго архивнаго матеріала и самой предупредительной заботливости, съ которою принималось къ свѣдѣнію и критически повѣрялось каждое новое извѣстіе о Строгановыхъ, съ которою прибиралась къ рукамъ каждая рукопись, каждый клочекъ бумаги съ новыми сообщеніями о нихъ. Каждую новинку о Строгановыхъ Ѳ. А. Волеговъ цѣнилъ на вѣсъ золота. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что извѣстный въ свое время нашъ историкъ Устряловъ, напечатавшій въ 1842 году особую монографію о Строгановыхъ, не имѣлъ и десятой доли знаній въ этомъ вопросѣ въ сравненіи съ Ѳ. А. Волеговымъ. Если бы послѣдній систематически изложилъ всю массу своихъ свѣдѣній о Строгановыхъ также въ отдѣльной монографіи, то послѣдняя разрослась бы въ нѣсколько объемистыхъ томовъ и смѣло могла бы пойти въ сравненіе съ любой исторической диссертаціей 40-хъ годовъ. Ниже мы увидимъ, что онъ начиналъ писать такую монографію, но оставилъ ее далеко не законченной, въ черновыхъ наброскахъ.

А между тѣмъ за предѣлами Пермской губерніи многимъ-ли извѣстно самое имя Ѳ. А. Волегова, не говоря уже объ его ученыхъ трудахъ? Правда, что у насъ вообще нѣтъ обыкновенія и умѣнія *должнымъ образомъ* цѣнить безкорыстный умственный трудъ на пользу науки; мы гораздо больше преклоняемся предъ дѣятелями на заманчивой капиталистической аренѣ; мы сыты «хлѣбомъ единымъ». Но малоизвѣстность имени Ѳ. А. Волегова, помимо этихъ общихъ причинъ, объясняется его непривычкой печатать свои труды, его обыкновеніемъ все оставлять въ рукописяхъ. Это

обыкновеніе лучше всего свидѣтельствуетъ о его безкорыстномъ стремленіи къ знанію ради знанія, но оно же, къ сожалѣнію, было причиной и того, что многія изъ этихъ знаній, пріобрѣтенныхъ тридцатилѣтнимъ кропотливымъ трудомъ, не сдѣлались достояніемъ потомства. Многочисленныя рукописи Ѳ. А. Волегова, плодъ столь многолѣтняго добросовѣстнаго труда, попадаютъ послѣ смерти его и роднаго его брата (Василія Алексѣевича) въ руки людей, совсѣмъ не понимавшихъ настоящей цѣны имъ, и, какъ негодный хламъ, частью истребляются невѣжественной рукой, частью бросаются, въ качествѣ неинтереснаго архивнаго матеріала, въ сырые чуланы и на чердаки мирныхъ обиталищъ Соликамска и окольныхъ поселеній, гдѣ немалая часть ихъ, надо полагать, досталась на долю мышей, или была истреблена огнемъ; лишь нѣкоторая часть рукописей поступаетъ въ собственность болѣе свѣдущихъ людей, которыми бережливо сохраняется и до сихъ поръ. Между ними особенно слѣдуетъ назвать Ѳ. В. Мичурина, жителя Соликамска.

Эту-то послѣднюю часть Волеговскаго архива и слѣдуетъ поскорѣе привести въ извѣстность. Но дѣло это не легкое. Волеговскія рукописи разсѣяны теперь во множествѣ рукъ на всемъ пространствѣ Соликамскаго и смежныхъ съ нимъ уѣздовъ, и частному собирателю, не имѣющему возможности знать *всѣхъ* обладателей этихъ рукописей, приходится съ большимъ трудомъ и немалыми матеріальными издержками доискиваться этихъ обладателей. Говоримъ это по собственному опыту спеціальныхъ лѣтнихъ поѣздокъ за трехлѣтіе 1881—

1883 гг. въ Соликамскій и сосѣдніе уѣзды—опыту, который не остался безплоднымъ, благодаря особенно счастливому стеченію обстоятельствъ.

Доселѣ собранныя нами рукописи Ѳ. А. Волегова поражаютъ разнообразіемъ содержанія. Чѣмъ только не интересовался этотъ необыкновенно любознательный человѣкъ! Тутъ находишь и статистическіе матеріалы по вопросу о движеніи народонаселенія и о развитіи горнозаводскаго дѣла; и разные географическіе и этнографическіе наброски; указанія особенностей народнаго говора въ Пермской губерніи; цѣлый словарь Пермяцкаго языка; выписки свѣдѣній о Пермскомъ краѣ изъ разныхъ повременныхъ и періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ; разнообразныя замѣтки о народныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ, праздникахъ и т. д. и т. д. Но надъ всѣмъ этимъ пестрымъ содержаніемъ въ трудахъ Ѳ. А. Волегова преобладаетъ одинъ элементъ—историческій: историческое прошлое Пермскаго края было самой любимой сферой всей ученой дѣятельности Ѳ. А. Волегова, всѣхъ его научныхъ изысканій.

Историческіе труды Ѳ. А. Волегова, какъ и каждаго историка, распадаются на двѣ категоріи. Одну составляютъ сырые матеріалы къ исторіи Пермскаго края, тщательно собиравшіеся Волеговымъ отовсюду и составлявшіе когда-то очень богатый архивъ историческихъ данныхъ о Пермскомъ краѣ; сюда относятся списки со всевозможныхъ грамотъ, челобитныхъ, старинныхъ архивныхъ дѣлъ, мѣстныхъ лѣтописей и т. п. Другую категорію составляютъ самостоятельные труды Ѳ. А. Волегова по исторіи Пермскаго края. На основаніи ихъ то

мы и намѣрены очертить ученую дѣятельность Ѳ. А. Волегова, какъ историка Строгановыхъ по преимуществу, и въ то же время указать то мѣсто, какое, по своимъ научнымъ воззрѣніямъ, онъ занимаетъ въ ряду другихъ ученыхъ. Это заставитъ насъ въ параллель съ его мнѣніями приводить и мнѣнія другихъ ученыхъ.

Ѳ. А. Волеговъ служилъ управляющимъ имѣніями Строгановыхъ въ Пермской губерніи въ 1826—1856 годахъ. Къ этому тридцатилѣтію и относятся всѣ многочисленные труды его по исторіи Пермскаго края, написанные частію въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда, частію въ селѣ Новомъ Усольѣ Соликамскаго уѣзда. Изъ нихъ самымъ цѣннымъ, но далеко не законченнымъ оригинальнымъ трудомъ надо признать «Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ», написанныя въ 1827 и дополненныя въ 1839 году, какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ черновомъ спискѣ этого труда *). Исторія Строгановыхъ доведена въ этомъ сочиненіи до дарованія имъ Императоромъ Петромъ Великимъ баронскаго титула въ 1722 году. По внутреннимъ достоинствамъ это сочиненіе стоитъ выше монографіи Устрялова о Строгановыхъ 1842 года. Оно напечатано было въ Пермскихъ Губерн. Вѣдом. за 1876 и 1877 гг. Другіе историческіе труды Ѳ. А. Волегова не имѣютъ монографической формы, а представляютъ небольшіе трактаты, написанные безъ всякой претензіи на литературныя достоинства, но обличающіе того же сильнаго знатока своего дѣла. Остановимся какъ на упомянутой

*) См. нашу «Библіографическую замѣтку къ сочиненію Волегова: Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ» въ Пермскихъ Губерн. Вѣдом. 1882 г. № 81.

монографіи Волегова о Строгановыхъ, такъ и на тѣхъ его отдѣльныхъ трактатахъ, которые имѣютъ отношеніе къ исторіи этой фамиліи. Мы имѣемъ въ рукахъ цѣлую серію такихъ статей Ѳ. А. Волегова. Онѣ касаются наиболѣе спорныхъ вопросовъ въ исторіи Строгановыхъ и тѣмъ лучше характеризуютъ научныя воззрѣнія автора.

Спорные вопросы въ исторіи рода Строгановыхъ.

1) Вопросъ о происхожденіи рода Строгановыхъ.

Вопросъ о происхожденіи знаменитой фамиліи Строгановыхъ сильно занималъ Ѳ. А. Волегова. Извѣстно, что историки расходятся въ мнѣніяхъ по этому вопросу. Въ прошломъ вѣкѣ въ русской исторической литературѣ господствовало мнѣніе, будто Строгановы происходили отъ одного мурзы Золотой Орды. Герардъ Фридрихъ Миллеръ въ извѣстномъ своемъ «Описаніи Сибирскаго царства» (С. П. Б. 1750 г.), Іоганнъ Эбергардъ Фишеръ въ неменѣе извѣстной «Сибирской исторіи» (С. П. Б. 1774 г.), князь Щербаковъ въ своей «Исторіи Россійской» и другіе ученые, касавшіеся исторіи Строгановыхъ, основывали это мнѣніе о происхожденіи Строгановыхъ на преданіи, впервые занесенномъ въ сочиненіе голландскаго географа Исаака Массы, напечатанное въ 1609 году и затѣмъ повтореннымъ другимъ голландскимъ ученымъ, Николаемъ Витзеномъ, который при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 году, посѣтилъ Россію съ ученою цѣлью въ свитѣ по-

сланника Бурлея и, по возвращеніи въ Амстердамъ, издалъ въ 1672 г. на голландскомъ языкѣ описаніе своего путешествія подъ заглавіемъ; «Noord en Oost Tartarye» (Сѣверная и Восточная Татарія). Въ этой книгѣ Витзенъ сообщаетъ, что родоначальникъ Строгановыхъ родился въ Золотой Ордѣ, близь Астрахани, отъ тамошняго царя. Пожелавъ принять христіанскую вѣру, онъ отправился въ Россію, крестился тамъ и, женившись на дочери русскаго государя, уже не вернулся въ Орду. Измѣна своей религіи и своему отечеству привели въ такое негодованіе татарскаго хана, что послѣдній пошелъ войной на Россію. Русскій великій князь послалъ войско противъ хана подъ начальствомъ *того же новокрещеннаго царевича*. Послѣдній имѣлъ несчастіе попасть въ плѣнъ и подвергнуться самой лютой казни: татары будто-бы *состроили* съ него все тѣло до самыхъ костей. Между тѣмъ оставшаяся беременною супруга его родила вскорѣ сына, которому въ память *застроеннаго отца и дали прозваніе Строганова*. Такъ будто-бы начался знаменитый родъ Строгановыхъ. Потомки же этого крещенаго татарскаго царевича, по словамъ Витзена, поселились въ Великомъ Новгородѣ [1]). Это же преданіе о происхожденіи Строгановыхъ было занесено и въ тенденціозную повѣсть о Строгановыхъ, сочиненую въ похвалу этому именитому роду въ 1761 г. Иковымъ подъ заглавіемъ: «Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ».

---

[1]) См. Миллера: «Описаніе Сибирскаго царства» СПБ. 1850 г. (сноска на страницѣ 68).

Въ нашемъ вѣкѣ вопросъ о происхожденіи Строгановыхъ не менѣе занималъ историковъ, но научныя воззрѣнія существенно измѣнились. Гипотеза о происхожденіи Строгановыхъ изъ Золотой Орды была оставлена, и сообщеніе Исаака Массы и Николая Витзена было сочтено «баснею». Строгановыхъ стали считать людьми чисто-русскаго происхожденія, потомками старинныхъ новгородскихъ купцовъ. Впервые ошибочное мнѣніе историковъ прошлаго вѣка было отвергнуто Н. М. Карамзинымъ въ IX томѣ его «Исторіи Государства Россійскаго» (см. изданіе 1831 г. стр. 431—432 и примѣчаніе 637 [1]). Послѣ Карамзина спеціальнымъ пересмотромъ вопроса о происхожденіи Строгановыхъ занялись: Ѳ. А. Волеговъ между 1827—1839 гг. въ своихъ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о гг. Строгановыхъ», а позже въ отдѣльныхъ критическихъ статьяхъ, къ сожалѣнію, оставшихся въ рукописяхъ и потому частію утраченныхъ; и Н. Г. Устряловъ въ 1842 г. въ монографіи: «Именитые люди Строгановы». Оба они также отвергнули мнѣніе прежнихъ историковъ о татарскомъ происхожденіи Строгановыхъ и выводили эту фамилію изъ Новгорода. Отвергая достовѣрность записаннаго Витзеномъ преданія, Устряловъ установляетъ слѣдующій свой взглядъ. «Гораздо вѣроятнѣе другое преданіе, сохранившееся въ одномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря о происхожденіи

[1]) Впослѣдствіи Устряловъ, не понявъ надлежащимъ образомъ Карамзина, напрасно упрекнулъ послѣдняго въ томъ, будто онъ также вѣритъ прежней баснѣ о происхожденіи Строгановыхъ. Поэтому Погодинъ справедливо защищалъ Карамзина отъ этого нареканія въ рецензіи на книгу Устрялова въ № 4 «Москвитянина» за 1843 годъ.

Строгановыхъ изъ дома Добрыниныхъ отъ стародавней фамиліи Новгородской» (стр 2). Къ сожалѣнію, Устряловъ не сообщаетъ никакихъ библіографическихъ данныхъ объ этомъ сборникѣ, за что справедливо и упрекали его рецензенты; поэтому нельзя критически провѣрить справедливость такого воззрѣнія. Спеціальная о Строгановыхъ монографія Устрялова вызвала длинный рядъ критическихъ замѣтокъ въ нашей періодической прессѣ, за которыми зорко слѣдилъ Ѳ. А. Волеговъ, еще ранѣе Устрялова, какъ мы видѣли, написавшій самостоятельно исторію Строгановыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы его «Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ» своевременно были отпечатаны, то они тѣмъ скорѣе обратили бы на себя общее вниманіе исторической критики, какъ весьма добросовѣстный трудъ, написанный на основаніи множества подлинныхъ архивныхъ документовъ, въ чемъ ему много уступаетъ позднѣйшее сочиненіе Устрялова, не знавшаго о существованіи труда Волегова. Рецензіи на книгу Устрялова появились въ свое время въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) въ журналѣ «Библіотека для чтенія» (февраль 1843 г.), 2) въ журналѣ «Маякъ» (апрѣль 1843 г.), 3) въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» (№ 40 отъ 23 февраля 1843 г.), 4) въ газетѣ «Сѣверная Пчела» (№ 50 отъ 5 марта 1843 г. рецензія Строева подъ инціалэми Z. Z.) и 5) въ «Москвитянинѣ» (№ 4 за 1843 г. рецензія извѣстнаго М. П. Погодина). Всѣ эти рецензіи были прочитаны Ѳ. А. Волеговымъ, который въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ рукописныхъ статьяхъ написалъ на нихъ свои замѣчанія. Мы имѣемъ ихъ въ рукахъ и ниже приведемъ главныя его научныя положенія. —

Затѣмъ, въ 1849 г. въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ интересная книга Павла Небольсина «Покореніе Сибири», въ свое время надѣлавшая много шуму между нашими историками новыми, весьма смѣлыми и оригинальными взглядами автора на историческую роль Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири. Эта книга была чѣмъ-то въ родѣ хитрозадуманнаго памфлета на «именитыхъ людей», слава которыхъ столь прочно установилась уже въ трудахъ предъидущихъ писателей. Впрочемъ, Небольсинъ расходится съ другими учеными именно во взглядѣ на участіе Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири, а не въ вопросѣ о происхожденіи этой фамиліи, выводимой имъ также изъ новгородскаго купечества. Интересная книга г. Небольсина была рецензирована частію въ тѣхъ же періодическихъ изданіяхъ, гдѣ и книга Устрялова, частью въ нѣкоторыхъ другихъ, а именно: 1) въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1849 г., 2) въ Москвитянинѣ» № 12 того же года, 3) въ «Современникѣ» того же года № 6, 4) въ «Сѣверномъ обозрѣніи» того же года № 1 (іюль) и 5) въ «Сынѣ отечества» того же года № 3. Весьма интересно было-бы знать мнѣніе Ѳ. А. Волегова объ этой книгѣ. Можно ручаться то, за что онъ не раздѣлялъ взглядовъ г. Небольсина. Къ сожалѣнію, замѣтокъ его на эту книгу мы не нашли, хотя увѣрены въ ихъ существованіи въ свое время. Чрезъ семь лѣтъ послѣ появленія книги Небольсина выходитъ въ свѣтъ VI томъ фундаментальнаго труда С. М. Соловьева—«Исторіи Россіи» (Москва 1856 г.), въ концѣ котораго помѣщено, какъ извѣстно, дополненіе въ формѣ «Замѣтки относительно завоеванія Сибири». Замѣтка эта въ

сущности есть критика научныхъ пріемовъ и историческихъ взглядовъ г. Небольсина. Авторитетный голосъ этого корифея русской исторической науки разсѣялъ недоумѣнія, вызванныя книгой Небольсина. Соловьевъ рѣшительно отвергнулъ взглядъ Небольсина на историческую роль Строгановыхъ, доказалъ его ошибочность и вмѣстѣ непригодность самыхъ научныхъ пріемовъ, которыхъ держался въ своемъ изслѣдованіи Небольсинъ. Но подробно объ этомъ мы должны говорить тамъ, гдѣ будемъ разбирать вопросъ о завоеваніи Сибири. Здѣсь замѣтимъ только, что въ вопросѣ о *купеческомъ* происхожденіи Строгановыхъ Небольсинъ не расходится съ другими учеными нашего вѣка. Такъ какъ VI томъ «Исторіи Россіи» Соловьева вышелъ въ 1856 г. — въ годъ смерти Ѳ. А. Волегова, то едва-ли по поводу выводовъ Соловьева Волеговъ успѣлъ изложить свое мнѣніе въ особой статьѣ. Можно лишь съ вѣроятностью сказать, что онъ не могъ бы не сочувствовать взглядамъ Соловьева, такъ какъ они почти тождественны съ взглядами Карамзина.

Мы не будемъ слѣдить далѣе за разработкою вопроса о происхожденіи Строгановыхъ, такъ какъ довели свое обозрѣніе до года смерти Ф. А. Волегова. Теперь мы приведемъ въ подлинникѣ научные выводы по этому вопросу самого Ѳ. А. Волегова. Въ двухъ отдѣльныхъ статьяхъ его, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, сгруппированы вмѣстѣ нѣкоторыя замѣчанія Волегова по этому вопросу. Онѣ написаны послѣ выхода въ свѣтъ книги Устрялова, т. е. не ранѣе 1843 г. и, какъ всѣ другія, сохранились въ рукописяхъ.

Выписавши предварительно многочисленные

цитаты изъ сочиненій Миллера, Карамзина, Устрялова, нѣкоторыхъ лѣтописей и грамотъ, сопоставивъ ихъ въ извѣстной системѣ и критически оцѣнивъ каждое свидѣтельство, Ѳ. А. Волеговъ говоритъ: «Что Строгановы происходятъ не отъ мурзы Золотой Орды и не отъ царской дочери, какъ до Карамзина почти всѣ историки наши твердили—это справедливо. Но чтобы вѣроятнѣе было происхожденіе ихъ изъ дома Добрыниныхъ—сомнѣваюсь, ибо на это нѣтъ въ виду доказательствъ. Г. Устряловъ не объяснилъ подробнѣе, когда и что именно въ Кирилловскомъ сборникѣ написано о происхожденіи Строгановыхъ изъ дома какихъ-то Добрыниныхъ. А безъ ясныхъ доказательствъ невозможно вѣрить сомнительному преданію. Напротивъ, всѣ до нынѣ сохранившіяся данныя доказываютъ, что Строгановы, сдѣлавшіеся извѣстными и знаменитыми въ Сольвычегодскѣ, суть выходцы изъ Нова-города во времена великаго князя Іоанна Васильевича III, около 1470 года, а можетъ быть и раньше,—выходцы подъ своей фамиліей, а не подъ именемъ Добрыниныхъ. Исторіографъ Миллеръ въ «Описаніи Сибирскаго царства» справедливо говоритъ: «Статься можетъ, что Ѳедоръ (Лукичъ) Строгановъ въ концѣ XV вѣка, по взятіи Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ Нова города, изъ онаго города переселился. Ибо извѣстно, что многіе жители въ то время изъ Новогородскаго уѣзда выѣхали, особливо къ Двинѣ. Послѣ того не упоминается больше Строгановыхъ роду въ Новѣ городѣ, но находятся оные на Устюгѣ и у Соли Вычегодской, гдѣ Аникинъ большой братъ и онъ самъ построенными многими соляными заводами про-

славились». (Оп. Спб. ц. 1750, 68 и 69) *). Догадку Миллера подтверждаетъ «Сольвычегодскій Лѣтописецъ», въ коемъ сказано: «въ числѣ переселившихся при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ изъ Нова-города въ Сольвычегодскъ были, кромѣ *Строгановыхъ*, Дубровины, Свиньины, Водолѣевы, Бояркины, Галкины, Чевыкаловы, Бѣляевы, Прескодоевы, Губины и многіе другіе». Въ «Описаніи Россійской Имперіи» Пушкарева (СПБ. 1844 г.) вѣрно сказано, что Строгановы были Новгородцы, и образъ заселенія и управленія ихъ помѣстьями въ Перми показываетъ образъ заселенія и управленія волостями богатыхъ Новгородцевъ» (т. I, стр. 9). Извѣстно, что Старорусское соленареніе, принадлежавшее Великому Нову городу, есть древнѣйшее заведеніе и что оно существовало не въ одной только нынѣшней Старой Русѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, болѣе близкихъ къ Нову городу (см. сочиненіе Воскресенскаго: «Старая Руса» 1839 г., стр. 84). А изъ этого можно вывести то, что предки гг. Строгановыхъ, какъ жители Новгородскіе, ес-

---

*) Съ Этими словами Миллера нельзя, однако, не сопоставить и другихъ его же словъ, которыя ясно показываютъ, что Миллеръ все-таки считаетъ *перваго* Строганова выходцемъ изъ Золотой Орды. «Ежели сіе извѣстіе (Вощена о татарскомъ происхожденіи Строгановыхъ) снесется съ имѣющимися у господъ Строгановыхъ извѣстіями, которыя перваго праотца Спиридономъ называютъ и его полагаютъ во времена В. К. Димитрія Ивановича Донскаго: то уповать можно, что то было имя, которымъ вышепомянутой татарской князь нареченъ при святомъ крещеніи. Когда еще Ватзенъ пишетъ, до господъ Строгановыхъ предки жили прежде въ Новгородѣ, то *Сіе правда быть можетъ о правнукѣ Спиридоновомъ*» (миллеръ, стр. 68). *Авт.*

ли и не имѣли тамъ своихъ соловаренныхъ заведеній, то непремѣнно были хорошо знакомы съ симъ производствомъ. На древнихъ Новгородскихъ Старорусскихъ соловаренныхъ заведеніяхъ донынѣ употребляются одинаковыя техническія названія съ названіями, существующими въ Пермскихъ соляныхъ промыслахъ гг. Строгановыхъ, какъ напр.: матица, обсадныя трубки, лоты рассола, цыренъ и проч. Отсюда ясно, что Пермское соловареніе сродни старорусскому или новгородскому. Извѣстно и то, что въ возстаніи Новгородцевъ за свою вольность противъ великаго князя Московскаго Іоанна Васильевича III въ 1471 г. *Строгановы не участвовали*, уклонясь мирно въ Устюжскій уѣздъ, пребыли вѣрными великому Московскому князю, который, по усмиреніи Новгорода, отобралъ всѣ частныя соловаренныя заведенія въ казну (см. упомянутую книгу Воскресенскаго). Не въ вознагражденіе—ли за потерю такихъ заведеній великій князь Иванъ Васильевичъ грамотою $\frac{7025}{1517}$ г. апрѣля отъ 9 дня пожаловалъ Степану, Осипу и Владиміру Ѳедоровичамъ Строгановымъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондокурской волости, «лѣсъ дикій да соль Качаловскую»? Сообразя всѣ приведенныя обстоятельства и свѣдѣнія, Кажется, безошибочно сказать можно, что *именитые люди Строгановы происходятъ просто изъ богатыхъ гражданъ бывшаго Великаго Нова-города, не принимавшихъ участія въ борьбѣ съ Московскимъ государемъ за вольность Новгородскую*, и что родоначальникомъ сей знаменитой фамиліи былъ почетный и богатый гражданинъ Великаго Новгорода *Спиридонъ Строгановъ*, живший во времена великаго кня-

зя Дмитрія Ивановича Донскаго и въ родословной табели, составленной по архивнымъ документамъ въ 1722 году по повелѣнію Петра Великаго, показанный подъ $\frac{6903}{1395}$ годомъ.»
Гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ мы встрѣтили еще одинъ аргументъ Ѳ. А. Волегова въ пользу приведеннаго заключенія о происхожденіи Строгановыхъ не изъ Золотой Орды, а изъ Новгорода, а именно указаніе на то обстоятельство, что Строгановы до позднѣйшихъ временъ не играли важной *придворной* роли, чего не могло бы быть, если бъ Козьма Спиридоновичъ Строгановъ былъ сынъ великокняжской дочери. Устряловъ въ своей Книгѣ о Строгановыхъ также на этомъ соображеніи основываетъ свое заключеніе о происхожденіи Строгановыхъ не изъ Золотой Орды, а изъ Новгорода Великаго (см. стран. 2).

Таковъ взглядъ Ѳ. А. Волегова на происхожденіе «именитыхъ людей», на сколько онъ выясняется въ собранныхъ нами его рукописяхъ. Изъ приведенныхъ выше его словъ нельзя не видѣть, какъ старательно изучилъ онъ этотъ вопросъ и какъ безпристрастно смотрѣлъ онъ на далекое прошлое своихъ патроновъ. Онъ искалъ только несомнѣнной исторической *истины*, а не преслѣдовалъ непохвальной цѣли-восхвалить родъ Строгановыхъ, не стѣсняясь особенно свидѣтельствами источниковъ, изъ которыхъ всегда можно на одни опереться, на другія-закрыть глаза. Можно-ли это сказать про «Исторію о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи г. г. Строгановыхъ г. Икосова, для котораго преданіе о поисхожденіи Козьмы Спиридоновича Строганова *отъ дочери великаго*

князя Дмитрія Донскаго было нужнѣе всякихъ иныхъ историческихъ свидѣтельствъ и истинныя цѣли котораго достаточно сказываются въ самомъ заглавіи его «сочиненія». Волеговъ восхвалялъ Строгановыхъ только тогда, когда *всѣ* источники, бывшіе въ его рукахъ, относились къ нимъ такъ же. Открытіе исторической истины несомнѣнной и непреложной— вотъ цѣль всѣхъ научныхъ изысканій этого историка Строгановыхъ. Его «Историческія свѣдѣнія о г.г. Строгановыхъ» *во многихъ* мѣстахъ принимаютъ характеръ панегирика, но эта апологія не является результатомъ преднамѣренной цѣли, но отголоскомъ единогласнаго свидѣтельства историческихъ источниковъ.

2) Что означало званіе «именитыхъ людей?»

Другимъ вопросомъ, занимавшимъ какъ Ѳ. А. Волегова, такъ и иныхъ лицъ, писавшихъ о Строгановыхъ, былъ вопросъ о значеніи званія «именитыхъ людей», которое Строгановы носили до дарованія имъ баронскаго титула Петромъ Великимъ 6 марта 1722 г. Вопросъ этотъ являлся столь же спорнымъ, какъ и вопросъ о происхожденіи рода Строгановыхъ. Одни говорили, что званіе «именитыхъ людей» было исключительнымъ въ своемъ родѣ, что его кромѣ Строгановыхъ никто не удостоился въ до—петровскія времена; другіе не находили въ немъ ничего особеннаго, утверждая, что оно давалось въ прежнія времена самымъ богатымъ *купцамъ* преимущественно за значительныя пожертвованія въ пользу государства, какихъ Строгановы сдѣлали въ разное время немало.

Карамзинъ въ своей исторіи постоянно называетъ Строгановыхъ купцами. Такъ, онъ писалъ: «въ числѣ Россійскихъ вельниковъ (въ Пермской странѣ) были и *купцы Строгановы* Яковъ и Григорій Іоанникіевы или Аникины..... Пишутъ, что *сіи купцы* происходили отъ знатнаго крещенаго Мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона и т. д.» (IX, 431, изданіе 1831 г.). Устряловъ въ своей книгѣ о Строгановыхъ говоритъ: «Повторяя другъ за другомъ басню, очевидно основанную на одномъ затѣйливомъ словопроизводствѣ, во вкусѣ старинныхъ грамотѣевъ, наши исторіографы [1]), а за ними и прочіе писатели впали въ другую важнѣйшую ошибку: они твердятъ въ одинъ голосъ, что Строгановы, *до возведенія* ихъ въ баронское достоинство Петромъ Великимъ, были *купцы*». (Именит. люди Строг., СПБ. 1842 г. стр. 3). Тутъ же въ сноскѣ Устряловъ въ упрекъ Карамзину приводитъ изъ его «Исторіи Гос. Росс.» двѣ цитаты и затѣмъ продолжаетъ въ текстѣ: «Имѣвъ случай прочитать болѣе 20 царскихъ грамотъ, данныхъ роду ихъ, и до 80 фамильныхъ записей и другихъ документовъ, мы ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтили наименованія ни купца, ни гостя, ни торговаго человѣка. Въ актахъ XVI вѣка они называются просто по имени и фамиліи (напримѣръ Григорій Строгановъ), въ актахъ же XVII вѣка Именитыми людьми съ прописаніемъ имени, отечества и фамиліи (наприм. Именитый чело-

---

[1]) Въ число которыхъ, какъ было уже сказано, Устряловъ включаетъ и Карамзина, не посмотрѣвъ въ примѣчанія къ его «Исторіи Госуд. Росс.», гдѣ Карамзинъ *первый* назвалъ именно *баснею* записанное Витзеномъ преданіе о татарскомъ происхожденіи Строгановыхъ. *Авт.*

вѣкъ Андрей Семеновичъ Строгановъ). Какую же степень занимали они въ государствѣ среди сословій народныхъ? Они занимали степень завидную. Владѣтели обширной страны въ Пермскихъ предѣлахъ, величиною съ нынѣшнюю Богемію, они производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны, независимо отъ Пермскихъ намѣстниковъ и отъ Московскихъ приказовъ; сами же не подлежали ни чьему суду, кромѣ личнаго суда царскаго; имѣли право строить города, крѣпости, содержать полки людей ратныхъ, лить пушки, воевать съ владѣтелями Сибири и вести безпошлинно заграничную торговлю съ народами Азіатскими. Признавая непосредственнымъ своимъ судьею самого царя, слѣдовательно не уступая въ чести знатнѣйшимъ сановникамъ, а другими преимуществами даже превосходя ихъ, Строгановы имѣли *особенное* званіе, исключительно имъ принадлежавшее, званіе Именитыхъ людей; составляли *особенное* почетное сословіе, для другихъ недоступное, и отъ того *особенною* статьею внесены въ соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» (тамъ же, стр. 3—4). По мнѣнію Устрялова, этимъ-то и объясняется, что Строгановы не искали чести служить при дворѣ и потому не входили въ списки бояръ и окольничихъ. Мнѣніе Устрялова было поддержано рецензентами въ «Библіотекѣ для чтенія» (февраль 1843 г.), въ «Маякѣ» (апрѣль 1843 г.) и въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№ 40 отъ 23 февраля 1843 г.). За то другіе ученые не такъ разсуждали о значеніи званія именитыхъ людей, исключительно присвоеннаго будто-бы роду Строгановыхъ. Таково возраженіе Устрялову со стороны Строева въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 50 за 1843 г.), гдѣ между про-

чимъ читаемъ: «Намъ странно, что почтенный историкъ превратно смотритъ на дѣло и заводитъ пустой споръ о словахъ. Послѣ сего можно Минина причислить къ *особенному сословію*, потому что онъ названъ былъ *избраннымъ отъ всея Русскія земли человѣкомъ*, хотя и оставался въ купцахъ. Такъ именитые граждане при Екатеринѣ, купцы, получившіе чины, но не возводимые въ дворяне, и нынѣшніе почетные граждане причислялись и причисляются къ сословію купцовъ. Такъ и Строгановы, отличенные *почетнымъ титуломъ*, оставались купцами, и хотя «самымъ лучшимъ Московскимъ гостямъ» титулъ ихъ былъ *не въ образецъ и не въ примѣръ*, но почетные оклады ихъ и плата за безчестье были купеческіе. Самая раскладка поборовъ съ имѣній Строгановыхъ производилась купцами. О чемъ же спорить, и что хочетъ доказать г. Устряловъ?..... Почтимъ уваженіемъ древность и знаменитость предковъ, но съ неменьшею гордостію будемъ говорить, что Мининъ былъ купецъ-мясникъ, что предокъ доблестнаго рода Демидовыхъ былъ тульскій кузнецъ и что Строгановы, завоеватели Сибири, были купцы такъ же, какъ и Шелеховъ, открывшій и покорившій Русскому Царю отдаленную Америку, былъ купецъ!» Еще рѣшительнѣе и гораздо основательнѣе Строева возражаетъ Устрялову г. Погодинъ въ своей рецензіи на его книгу, помѣщенной въ «Москвитянинѣ» (№ 4 за 1843 г.). Погодинъ совершенно не раздѣляетъ мнѣнія Устрялова объ исключительномъ значеніи Строгановыхъ, какъ «именитыхъ людей». Мы приведемъ значительную часть этой рецензіи, такъ какъ она напечатана въ такомъ изданіи, которое теперь почти недоступно для пользова-

нія, какъ рѣдкость, а между тѣмъ имѣетъ важное значеніе для занимающихся исторіей Строгановыхъ. Приведя выписанныя нами выше слова Устрялова касательно званія «именитыхъ людей», М. П. Погодинъ говоритъ: «Мы думаемъ иначе, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Въ грамотѣ 1610 года, данной царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ Петру Семеновичу Строганову и напечатанной въ Румянцовскомъ собраніи (томъ II, стр. 386), сказано: «а хто его обезчеститъ, а по суду доищется, и я ему указалъ безчестья противъ Московскаго лучшаго гостя вдвое сто рублевъ». Ясно-ли, что Петръ Семеновичъ былъ самъ гость, купецъ, торговецъ, потому и безчестье его положено сравнительно съ купеческимъ; если-бъ онъ былъ другаго званія, то безчестье положено было бы сравнительно съ онымъ. Въ самой этой грамотѣ, которую теперь издалъ г. Устряловъ, къ удовольствію всѣхъ любителей исторіи, именно сказано: «да мы же Великій Государь..... велѣли ему учинить окладъ 170 руб., противъ гостей первой степени вдвое..... *а гостямъ никому то не въ образецъ*». Ясно, что Строгановы были *гости*. Точно также и въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича опредѣлено наказаніе безчестья сперва за бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, потомъ въ слѣдующей статьѣ— о стольникахъ, стряпчихъ, дворянахъ московскихъ, дьякахъ, жильцахъ, дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, городовыхъ, иноземныхъ, дворовыхъ людяхъ, подъячихъ и всякихъ чиновъ людяхъ, а наконецъ уже не въ особой статьѣ, какъ говоритъ г. Устряловъ, а въ одной статьѣ съ гостями, посадскими людьми и проч. и проч. говорятся о Строгановыхъ. Вотъ статья Уло

женія: «94 а буде кто обезчеститъ имянитыхъ людей Строгановыхъ, или гостя, или гостинные и суконные и казенные и черныхъ сотень и слободъ и городовыхъ посадскихъ людей, или ямщиковъ, или дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей крестьянъ, или боярскихъ людей, или помѣщиковъ и вотчинниковъ крестьянъ, или гулящихъ людей, а по суду или по сыску про то сыщется допряма: и имъ правити за безчестье: Строгановымъ по сту рублевъ человѣку, гостю по 50 руб. человѣку, гостинные сотни большой статьи по 20 руб., средней по 15 руб., меньшой по 10 руб. и проч. и проч.»..... За безчестіе бояръ, окольничихъ и пр. повелѣно сѣчь кнутомъ, сажать въ темницу, а за безчестье прочихъ сословій назначалась денежная пеня.—Продолжаю свои доказательства: въ родословныхъ книгахъ, составленныхъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (напечатанныхъ Новиковымъ), нѣтъ рода Строгановыхъ, а тогда почти всѣ дворянскіе роды, по случаю сожженія разрядныхъ книгъ, составили свои родословныя и представили правительству. Въ Латухинской Степенной книгѣ сказано: «Государь (Іоаннъ Грозный) видѣвъ оболгана Бориса и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ мои язвы Великой Перми *купеческаго чина человѣкъ, именуемый Строгановъ*. Царь же повелѣ пріити ему предъ себя и вопрошаше..... и увѣдѣ истину и повелѣ того купца звати выше гостя. И съ того времени тѣ Строгановы начаша именоваться съ *вичемъ* именитыми людьми». Слѣдовательно, именитымъ человѣкомъ былъ тотъ, кто имѣлъ право называться по имени и отечеству. Самъ Витзенъ, собирая всякія

свѣдѣнія въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и называя Строгановыхъ *купцами*, свидѣтельствуетъ о всеобщемъ мнѣніи того времени. Къ чему бы ему выдумать такое извѣстіе? Г. Устряловъ въ томъ же тонѣ продолжаетъ: «Владѣтели обширной страны..... они производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны ....» Предлагаю свидѣтельства, что почти всякій помѣщикъ имѣлъ и получалъ въ то время такія же права. «Се язъ Князь Великій Василей Васильевичь пожаловалъ есмь Сенку писаря, что его село приданое въ Коломенскомъ уѣздѣ и съ деревнями..... и кого въ томъ селѣ и деревняхъ посадитъ своихъ людей пришлыхъ, или кого къ себѣ приведетъ людей изъ иныхъ княженій.... а намѣстницы мои Коломенскіе и ихъ тіуны къ нему въ то село и деревни не всылаютъ ни пошто... ни судятъ ни въ чемъ опричь душегубства, а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей всѣхъ Сенко самъ, или кому прикажетъ, ... а кому будетъ чего поискати на самомъ Сенкѣ, и его сужу азъ, Князь Великій, или мой бояринъ введенный».—Вотъ другая грамота: «Се язъ, Князь Великій Василей Васильевичь, пожаловалъ есмь Марью Васильевну жену Борисовича Копнина да ея сына Ѳедора..... а намѣстницы мои Переславскіе и волостели Усольскіе ни судятъ ихъ, ни ихъ людей, ни въ чемъ опроче душегубства.... А кому будетъ чего искати на Марьѣ и на ея сынѣ Ѳедорѣ, или на ихъ приказницѣ, ино ихъ сужу язъ, самъ Князь Великій, или мой бояринъ введенный». (1449 г. Акты Арх. Коммиссіи, I, с. 32). Такихъ грамотъ множество—частнымъ лицамъ, сословіямъ, городамъ, селамъ, монастырямъ.—Строгановы

«имѣли право строить города и крѣпости, содержать полки людей ратныхъ, лить пушки» очень естественно потому, что они жили на границѣ и обязаны были за полученныя выгоды защищать ее..... «Они имѣли особенное званіе, составляли *особенное* почетное сословіе, для другихъ недоступное». Т. е. никакой Воронцовъ, никакой Морозовъ не могъ быть Строгановымъ—кто же въ этомъ сомнѣвается? А что бъ они составляли особое сословіе, т. е. чтобъ пять-шесть человѣкъ (ибо въ одно время никогда ихъ не бывало больше) составляли особенное сословіе—съ этимъ никто не можетъ согласиться. Никто не можетъ согласиться, чтобъ русскій народъ состоялъ, по увѣренію г. Устрялова, изъ дворянъ, купцовъ, Строгановыхъ, крестьянъ, духовенства..... Я удивляюсь только тому, какъ г. Устряловъ рѣшился съ такою опромѣтчивостью обвинять нашихъ историковъ, которые, какъ мы видѣли, имѣли причины гораздо основательнѣе, нежели онъ».

Таковы возраженія Погодина Устрялову касательно значенія званія «именитыхъ людей». Чрезъ 6 лѣтъ послѣ него, т. е. въ 1849 г., по этому же спорному вопросу изложилъ мнѣніе другой ученый, г. Небольсинъ въ упомянутой выше книгѣ «Покореніе Сибири». Въ сущности, онъ не сказалъ однако чего-либо новаго, а только повторилъ слова болѣе авторитетнаго ученаго. Поэтому мы не будемъ приводить цитатъ изъ книги Небольсина, во избѣжаніе ненужныхъ повтореній, а обратимся теперь къ мнѣнію Ѳ. А. Волегова по тому же вопросу, что и составляетъ нашу прямую цѣль въ настоящемъ разсужденіи.

«О томъ, что Строгановы до возведенія ихъ

въ баронское достоинство были именитые купцы—можно судить двояко, говоритъ Ѳ. А. Волеговъ. *Купцами* называть ихъ можно потому только, что они издревлѣ производили торговлю и тѣмъ составили свое богатство, извѣстность и именитое званіе, не состоя никогда въ службѣ государственной. Напротивъ, нельзя причислять ихъ въ общую массу купцовъ, по тогдашнему названію *гостей* или *торговыхъ людей*, потому что они издавна отличались и именованіемъ съ *вичемъ*, чего, кажется, никто изъ торговаго сословія въ то время не имѣлъ *). По Уложенію царя Алексѣя Михайловича положено взысканіе за безчестіе Строганова 100 рублей человѣку, а за безчестіе *гостя*—только 50 р. Государь Петръ Великій, жалуя Григорія Дмитріевича Строганова (по грамотѣ $\frac{7200}{1692}$ года) помѣстнымъ окладомъ въ 1000 четвертей и съ прежнею указною статьею 170 рублей *противъ гостей* первой статьи *вдвое*, сказалъ, что милость сія дѣлается за многія прародителей его и за его службы и денежные поборы и для того, что роду его Строгановы *изстари знатные именитые люди*, и въ Уложеньѣ именно о нихъ напечатано: «*а гостямъ никому то не въ образецъ*». Слова эти ясно показываютъ, что Строгановы, по званію и занятіямъ или промысламъ своимъ, нѣкоторымъ образомъ принадлежали къ классу купеческому или торговому (гостей), но по богатству и отечественнымъ заслугамъ пользовались особеннымъ от-

*) Приведенная въ рецензіи Погодина выдержка изъ грамоты Василія Темнаго Марьѣ Васильевнѣ Кошкиной (изъ 1449 года), мужъ которой именовался Борисо*вичемъ*, опровергаетъ это мнѣніе Волегова, равно какъ и выписка отъ Латухинской Степенной Книги. *Авт.*

личіемъ, *вдвое выше гостя первой статьи* (т. е. вдвое выше нынѣшняго купца первой гильдіи, а можетъ быть и еще болѣе). Сверхъ того значеніе именитости Строгановыхъ въ гражданскомъ обществѣ или чиносостояніи весьма много отличалось прибавкою *вичъ* къ отечественному имени. Жалованнаго *съ вичемъ* повелѣвалось: боярамъ, воеводамъ, дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ во всякихъ письмахъ и дѣлахъ именовать и онъ самъ долженъ былъ подписываться—*съ вичемъ*; наприм: Григорій Дмитріе*вичъ* Строгановъ, а не иначе. Кто же, напишетъ или произнесетъ имя Строганова безъ *вича*, тотъ долженъ былъ заплатить ему *за безчестіе* 170 руб. и сверхъ того подвергнуться царской опалѣ. И это жалованное отличіе *вичъ* въ свое время значило едва-ли меньше генеральства. Въ описаніи Россіи, напечатанномъ въ Голландіи, въ 1630 году, говорится между прочимъ, что «въ числѣ Россійскаго дворянства заключаются три разряда: 1) удѣльные князьч, 2) бояре и 3) воеводы. Сіи три степени дворянства прибавляли къ отечественнымъ именамъ своимъ *вичъ*, какъ знакъ достоинства, и налагали денежную пеню на тѣхъ, которые сіе прибавленіе опускали въ разговорѣ, ибо сіе почиталось великимъ *безчестіемъ*.» Мнѣ случалось видѣть подлинныя предписанія Григорія Дмитріевича Строганова къ Чусовскимъ его прикащикамъ съ собственноручною подписью: Григорій Дмитріе*вичъ* Строгановъ *). По сохранившемуся

*) Я нашелъ эти подлинники, за собственноручнымъ подписомъ Григорія Дмитріевича и его сыновей, во время прошлогодней экскурсіи въ Соликамскій уѣздъ. Они обнимаютъ время съ 1702 до 1746 года. Авт.

донынѣ (статья писана Ѳ. А. Волговымъ въ 1843 году) портрету сего послѣдняго именитаго человѣка изъ фамиліи г. г. Строгановыхъ мы видимъ, что онъ при парадномъ красномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, надѣвалъ огромный парикъ съ прической, какой тогда носили знатнѣйшія лица, и шляпу треугольную съ плюмажемъ, а въ петлицѣ кафтана или мундира-портретъ государя императора Петра Великаго. Кто же въ нынѣшнее время изъ купеческаго званія имѣетъ такой костюмъ? и какая *купеческая* жена имѣетъ теперь у себя на шеѣ жалованный портретъ Государя Императора, какъ мы это видимъ на портретѣ супруги Григорія Дмитріевича Строганова, Марьи Яковлевны? Знаемъ при томъ, что многіе изъ Строгановыхъ въ близкомъ родствѣ находились съ знатнѣйшими государственными лицами – съ князьями и боярами. Напримѣръ: 1) Семенъ Аникіевичъ былъ женатъ на дочери *боярина* Лачинова и сестрѣ Соликамскаго *воеводы*. 2) дочь Петра Семеновича, Анна Петровна, была за мужемъ за *княземъ* Алексѣемъ Юрьевичемъ Звенигородскимъ. 3) Дмитрій Андреевичъ женатъ былъ на *княжнѣ* Волконской. 4) Дочь его, Пелагея Дмитріевна, была въ замужествѣ за *княземъ* Андреемъ Ивановичемъ Голицынымъ. 5) Дочь Ѳедора Петровича, Екатерина Петровна, была въ замужествѣ за *бояриномъ* Алексѣемъ Петровичемъ Салтыковымъ. 6) Дочь Данила Ивановича, Степанида Даниловна, была въ замужествѣ за *княземъ* Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ. 7) Другая дочь, Анна Даниловна, была въ замужествѣ за *бояриномъ* Сергѣемъ Ивановичемъ Милославскимъ. 8) Послѣдняго именитаго человѣка,

Григорія Дмитріевича первая супруга, Василиса Ивановна, была дочь *князя* Мещерскаго, а вторая—Марья Яковлевна была урожденная Новосильцева. Все сіе было не въ обычаѣ *купеческомъ* и показываетъ, что фамилія *именитыхъ* Строгановыхъ издавна составляла *особенное* почетное сословіе, для другихъ недоступное, какъ и г. Устряловъ выразился. Въ рецензіи на его книгу г-на А. Б., помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Маяка» за 1843 г., не даромъ сдѣлано слѣдующее весьма дѣльное и правдивое заключеніе: «Строгановы были родомъ Новгородцы, купеческаго сословія, получившіе за оказанныя услуги государству званіе именитыхъ людей, которое было выше званія гостей; и такъ какъ они образовали изъ себя особое сословіе, въ которое никто, кромѣ нихъ, не былъ записанъ, то по этой причинѣ и были они внесены особою статьею въ Уложеніе.»

Этой цитатой изъ «Маяка» заканчивается трактатъ Ѳ. А. Волегова по вопросу о значеніи званія «именитыхъ людей.» Нельзя не замѣтить, что она служитъ точнымъ выраженіемъ мыслей Волегова и по первому вопросу о происхожденіи Строгановыхъ. Расходясь по этому послѣднему съ Устряловымъ, Ѳ. А. Волеговъ совершенно соглашается съ нимъ по второму-о значеніи званія «именитыхъ людей,» и это одно уже лучше всего свидѣтельствуетъ, что Волеговъ относился къ Устрялову и къ другимъ историкамъ безъ всякаго предубѣжденія, стремясь, какъ всегда и вездѣ, лишь къ познанію *истины,* свободному отъ предубѣжденій и субъективныхъ наклонностей.

3) Вопросъ объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II Темнаго.

Третьимъ спорнымъ вопросомъ въ исторіи рода Строгановыхъ надо считать вопросъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ выкупа изъ Казанскаго плѣна великаго князя Василія Васильевича Темнаго, въ 1445 году. Одни историки утверждали, что Строгановы выкупили изъ плѣна Московскаго великаго князя единолично, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ кого-либо другаго; другіе отвергали такое мнѣніе и приписывали Строгановымъ лишь извѣстную долю участія въ этомъ дѣлѣ, дорого стоившемъ, будто бы, всему Московскому государству. Такое несогласіе ученыхъ объясняется разнорѣчіемъ нашихъ древнихъ лѣтописей относительно этого факта, а также относительно суммы, употребленной на выкупъ великаго князя. Полевой въ «Исторіи Русскаго народа» (томъ V, стр. 368) приводитъ слова различныхъ лѣтописей по этому поводу:

Новгородской: «Царь Махметъ *взя окупъ* 200000 рублевъ, а иное Богъ вѣсть и они въ себѣ».

Псковской: «Великій князь окупъ *посуливъ* на собе отъ злата и сребра, и отъ портища всякаго, и отъ коней, и отъ доспѣховъ 29500 рублевъ».

Въ *Строевской* (т. II, ст. 48), въ *Костромской* (т. II, 6) и въ *Типогр.* лѣтоп. (стр. 255) замѣчено вообще: «дати окупъ съ себя *сколько можетъ*».

Такія разнорѣчія и неопредѣленность въ свидѣтельствахъ древне-русскихъ лѣтописей и были причиною спора ученыхъ. Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ приписывали Строгано-

вымъ только нѣкоторую долю участія въ выкупѣ Василія Темнаго, а Устряловъ и Волеговъ признавали весь выкупъ дѣломъ однихъ Строгановымъ. Приведемъ подлинныя слова какъ всѣхъ этихъ ученыхъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, концентрируя оба указанныя мнѣнія въ два особые круга или разряда.

Карамзинъ, какъ сказано, считалъ выкупъ Василія Темнаго дѣломъ не однихъ Строгановыхъ: послѣдніе, по его словамъ, были только особенно крупными жертвователями, какъ самые богатые люди того времени. При описаніи освобожденія Василія Темнаго изъ плѣна Казанскаго въ V томѣ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзинъ говоритъ: «Желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, царь (Казанскій) совѣтовался съ ближними, призвалъ великаго князя и съ ласкою объявилъ ему свободу, требуя отъ него единственно *умѣреннаго* окупа и благодарности» (313 стр.). Въ IX же томѣ, въ примѣчаніи 637, онъ гораздо опредѣленнѣе высказываетъ свое мнѣніе. «Въ жалованной Царской грамотѣ, данной Строгановымъ 24 марта 1610 г., сказано, что одинъ изъ ихъ предковъ выкупилъ Темнаго изъ плѣна, т. е. *участвовалъ въ семъ выкупѣ*, который дорого стоилъ всему Московскому Государству». Такъ же думалъ и Строевъ, написавшій, какъ мы уже знаемъ, рецензію на книгу Устрялова о Строгановыхъ въ № 50 «Сѣверной Пчелы» за 1843 годъ. «Еще во времена Василія Темнаго, говоритъ онъ, *Строгановы пожертвовали знатною суммою въ сборъ на выкупъ* его, угождая равно Москвѣ и Новугороду». Слѣдовательно, Строевъ, какъ и Карамзинъ, считалъ выкупъ Василія Темнаго дѣломъ не однихъ

Строгановыхъ, а всего Московскаго государства, которое по подпискѣ составило необходимую для этого сумму. Другой, также извѣстный уже намъ, рецензентъ книги Устрялова, г. Погодинъ въ № 4 «Москвитянина» за 1843 г. сказалъ почти то же самое. «Великаго князя Василія Васильевича не выкупали Строгановы, не выкупалъ никто. Казанскій царь Махмудъ самъ отпустилъ его изъ плѣна, предоставивъ ему дать послѣ, сколько хочетъ, за себя, какъ объ этомъ именно сказано во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ. Потому-то Карамзинъ и назвалъ умѣреннымъ ханское требованіе. Темный, уже по возвращеніи своемъ изъ плѣна, послалъ за себя выкупъ, обѣщанный. Въ Никоновскомъ лѣтописцѣ (V, 200) сказано: «дати ему съ себя откупъ, сколько можетъ». Такъ же во Львовскомъ лѣт. (II, 334—335), въ Русскомъ Временникѣ (II, 8) и Софійскомъ Временникѣ (II, 48). Въ Псковской лѣтописи сказано: «*посулилъ*» отъ себя. Количество выкупа показывается различно. Г. Устряловъ можетъ это видѣть въ сводѣ Арцыбашева (т. I, пр. 1380). *Я думаю*, продолжаетъ Погодинъ, *согласно съ Карамзинымъ* и съ естественнымъ ходомъ вещей, что сокращенное выраженіе позднѣйшей грамоты «*выкуповалъ*» не означаетъ полнаго выкупа, а только участіе, и увѣренъ, что Карамзинъ упомянулъ о всемъ Московскомъ Государствѣ не безъ основанія. Выкупъ, при всей своей умѣренности (въ отношеніи къ Махмуду), могъ дорого стоить всему Московскому государству». Послѣ Карамзина, Строева и Погодина мнѣніе о нѣкоторомъ только участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа Василія Темнаго поддержалъ Соловьевъ въ своей капитальной «Исторіи Россіи».

Въ IV томѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1854 г., онъ такъ говоритъ по этому поводу: «Касательно условій освобожденія (Василія II) свидѣтельства разногласятъ; въ большей части лѣтописей сказано: «Царь Улу-Махметъ и сынъ его утвердили Великаго Князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дать ему съ себя окупъ, сколько можетъ». Но въ нѣкоторыхъ означена огромная сумма 200.000 рублей; намекается также и на другія какія-то условія: «а иное Богъ вѣсть, и они между собою». Во всякомъ случаѣ трудно согласиться, чтобъ окупъ былъ умѣренный. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ Великимъ Княземъ выѣхали изъ Орды (татарской) многіе князья татарскіе со многими людьми (на кормленіе) (стр. 67, т. IV). Въ этихъ словахъ выражается мнѣніе Соловьева объ условіяхъ освобожденія Василія II изъ плѣна безъ отношенія къ Строгановымъ. Позже, въ VI томѣ своей «Исторіи», Соловьевъ высказалъ свой взглядъ и на роль Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ. «Нѣкоторые хотятъ утвердить, замѣчаетъ онъ, что одни Строгановы выкупили Василія Темнаго, и для этого предполагаютъ, что окупъ былъ незначительный. Но если мы даже, отвергнувъ показанія Новгородскаго лѣтописца о 200.000 руб., примемъ показанія Псковскаго о 29.500 рубляхъ, то и это будетъ сумма очень значительная по тогдашнему времени» (примѣч. 117 къ VI тому).

Вотъ одинъ кругъ мнѣній ученыхъ по спорному вопросу объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа Василія Темнаго изъ Казанскаго плѣна. Въ параллель съ этими мнѣніями приведемъ другія, приписывающія Строгановымъ болѣе важную роль въ этомъ дѣлѣ. Мы знаемъ

уже, что представителями ихъ являются Устряловъ и Волеговъ. Въ книгѣ «Именитые люди Строгановы» (СПБ. 1842) Устряловъ говоритъ слѣдующее. «Есть поводъ думать, что Строгановы вышли изъ разряда обыкновенныхъ помѣщиковъ Новгородскихъ еще въ первой половинѣ XV вѣка замѣчательнымъ подвигомъ великодушія: они искупили изъ заточенія великаго князя Московскаго Василія Васильевича Темнаго, взятаго въ плѣнъ царемъ Казанскимъ. Напрасно полагаетъ Карамзинъ, что они только участвовали въ семъ выкупѣ, который, по словамъ его, дорого стоилъ всему Московскому государству. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ современныхъ актахъ мы не нашли подтвержденія словамъ историографа, между тѣмъ какъ заслуга Строгановыхъ засвидѣтельствована грамматою царя Василія Іоанновича (Шуйскаго, отъ 24 марта $\frac{7118}{1610}$ года): по случаю истощенія казны на жалованье ратнымъ людямъ, во времена самозванцевъ, требуя въ займы отъ Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановыхъ 10.000 рублей, царь пишетъ къ нимъ: «вспомните, какой великой чести удостоились ваши предки, когда выкупили великаго князя Василія Васильевича изъ плѣна; мы вамъ также можемъ честь воздать, если ссудите насъ немалыми деньгами на жалованье ратнымъ людямъ для спасенія вѣры и царства». Да и трудно предположить, продолжаетъ Устряловъ, чтобы, какъ думаетъ Карамзинъ, все государство участвовало въ искупленіи Василія: въ такомъ случаѣ надлежало произвести поголовный сборъ, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ невозможнымъ: Московскимъ престоломъ овладѣлъ Дмитрій Шемяка,

непримиримый врагъ Василія, заботившійся не объ искупленіи великаго князя, а о вѣчномъ заточеніи его въ Казани. Слѣдовательно, общій сборъ со всего государства не могъ имѣть мѣста; лѣтописи впрочемъ и не говорятъ о томъ». (см. стр. 5—6). Такъ думалъ Устряловъ касательно участія Строгановыхъ въ выкупѣ Темнаго. Мы видимъ, что послѣднее предположеніе его было отвергнуто Строевымъ въ рецензіи на книгу Устрялова. Мнѣніе Устрялова раздѣлялъ однако Ѳ. А. Волеговъ, который, какъ и вездѣ, приводилъ свои особые аргументы. Вотъ его подлинныя слова по этому вопросу, извлекаемыя нами изъ одной рукописи. «Какой же чести удостоились Строгановы за искупленіе великаго князя, мы положительно не знаемъ— говоритъ г. Устряловъ на стр. 6. А мнѣ кажется, поясняетъ Ѳ. А. Волеговъ, незнаніе сіе разрѣшаетъ именно грамота, жалованная Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу Строгановымъ 24 марта $\frac{7118}{1610}$ года, въ которой, между прочимъ, говорится: «Попомните, въ прежнихъ временахъ Великаго Князя Василія Васильевича окупили изъ полону: *какой великой чести сподоблены*. А вы только насъ ссудите немалыми деньгами, и вашею дачею служилыхъ людей пожалуемъ, и мы васъ тако жъ чести и повышенья можемъ воздати». По моему разумѣнію, эта великая честь заключается въ одномъ томъ, что подданный частный человѣкъ искупилъ своего государя изъ плѣна. Выраженіе сіе помѣщено въ царской грамотѣ, конечно, не безъ основанія; и потому, вопреки Карамзину, я думаю, что великаго князя Василія Васильевича Темнаго изъ плѣна Татарскаго выкупили *одни Строгановы*. Они могли употребить на это и

200.000 рублей. Мы видимъ изъ жалованныхъ имъ грамотъ, что во время Московскаго разоренія и въ Смоленскую войну они пожертвовали 841.762 руб. 27 коп. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Строгановы одни могли выкупить государя, имѣя ежегоднаго дохода, по показанію Англичанина Флетчера, до 300.000 руб., на каковое свидѣтельство ссылается самъ же Карамзинъ въ X томѣ своей «Исторіи Государства Россійскаго» на стр. 270. И потому, вѣря больше царской грамотѣ, я не согласенъ съ Карамзинымъ, будто бы Строгановы только *участвовали* въ выкупѣ, который, по его словамъ, дорого стоилъ всему Московскому государству. Кажется, со мной согласенъ и г. Устряловъ». Таково мнѣніе Ѳ. А. Волегова о роли Строгановыхъ въ дѣлѣ выкупа Василія Темнаго. Волеговъ касался вопроса о ежегодныхъ доходахъ и издержкахъ Строгановыхъ неоднократно, въ нѣсколькихъ статьяхъ, и всегда приходилъ къ заключенію, вполнѣ подтверждающему вышеупомянутое показаніе Флетчера, почему онъ и находитъ возможнымъ считать весь выкупъ Темнаго дѣломъ *однихъ* Строгановыхъ. Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ находятъ пожертвованіе одной фамиліей 200.000 рублей слишкомъ непосильнымъ и невѣроятнымъ для своего времени, т. е. для половины XV вѣка. Но они не знали, по справедливому замѣчанію Ѳ. А. Волегова въ одной изъ статей, содержанія грамоты царя Алексѣя Михайловича отъ 1673 и неизвѣстной грамоты Петра Великаго отъ 25 іюля $\frac{7200}{1692}$ года, которую издалъ Устряловъ въ своей книгѣ о Строгановыхъ. Въ этихъ грамотахъ опредѣленно исчисляются позднѣйшія громадныя пожертвованія этой фамиліи въ XVII вѣкѣ.

Разница во времени пожертвованій, положимъ, на цѣлыхъ два столѣтія; за то и сумма позднѣйшаго приношенія въ четыре раза превышаетъ употребленную на выкупъ Василія Темнаго. Въ этихъ грамотахъ указывается, между прочимъ, на слѣдующую заслугу Строгановыхъ. «..... и при дѣдѣ нашемъ, великихъ государей, при великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ, всея Россіи самодержцѣ, и при отцѣ нашемъ, великихъ государей, при великомъ же государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцѣ, у Андрея и у Петра и у Максима и у дядьей его у Ѳедора и у Данила и у отца его, Григорья Дмитріевича, у Дмитрія Строгановыхъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ и солдатскихъ и нѣмецкихъ кормовъ и посошныхъ людей и подымныхъ денегъ съ вотчинъ, и соляныхъ другривенныхъ и алтынныхъ пошлинъ съ ихъ промысловъ, и платья и жемчугу и сосудовъ серебреныхъ и хлѣба и соли и всякихъ пожитковъ взято съ Московскаго разворенія по 158 годъ (т. е. 1650-й) въ казну *четыреста двадцать три тысячи семь сотъ шесть рублевъ;* а что при царѣ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Россіи у гостей деньги иманы, и даваны имъ въ томъ изъ казны заклады жемчугомъ и золотомъ и сосудами серебреными, и Нижегородцы посадскіе люди тѣ свои деньги изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ взяли назадъ, а прадѣды и дѣды его (Григорія Дмитріевича Строганова) изъ нашихъ, великихъ государей, казны *закладовъ и тѣхъ денегъ не имали и въ томъ прибыли себѣ не искали* и служили и работали намъ, великимъ государямъ, и всему Московскому госу-

дарству вѣрою и правдою во всемъ; да во 158 году (т. е. 1650 г.) въ Смоленскую службу отецъ его, Григорья Дмитріевича, Дмитрій Андреевичъ и дядя его Ѳедоръ и братъ его Данила и онъ, Григорій Дмитріевичъ [1]), не жалѣя своихъ пожитковъ, дали въ нашу, великихъ государей, казну ратнымъ людямъ на жалованье пятинныхъ и десятой и пятнадцатой денегъ и соляныхъ и гривенныхъ пошлинъ и данныхъ и оброчныхъ денегъ по 181 годъ (т. е. по 1673 г.) *четыреста осмнадцать тысячъ пятьдесятъ шесть рублей девять алтынъ;* да въ Смоленскую жъ службу у отца его Дмитрія Андреевича и дяди его Ѳедора и у брата его Данила Строгановыхъ съ Пермскихъ и Усольскихъ вотчинъ взято съ тѣхъ же поморскихъ ихъ вотчинъ съ пяти дворовъ по человѣку, и были на Кунгурѣ и на Степановѣ городищѣ многіе годы на ихъ проторяхъ»..... (см. Именитые люди Строгановы» Устрялова, стр. 89—90).

Таково несомнѣнное, по своей достовѣрности,

---

[1]) Вотъ родовыя отношенія:

Аника Строгановъ † 1570 г.

Яковъ † 1578 — Максимъ † 1623 — Иванъ — Даніилъ † 1668 г.

Григорій † 1578 — Никита † 1617 — Андрей † 1649 г. — Дмитрій † 1673 г. — Григорій † 21 ноября 1715 г.

Петръ † 1639 г. — Ѳедоръ † 1671 г.

Б а р о н ы:

Александръ, Николай, Сергѣй.

свидѣтельство о громадныхъ жертвахъ [1]) Строгановыхъ въ XVII вѣкѣ, въ тяжелые для Россіи годы испытаній и разоренія! Ему нельзя не вѣрить и въ то же время нельзя не удивляться! Принявъ во вниманіе эту огромную для своего времени жертву на пользу разореннаго и обнищавшаго отечества, нельзя не согласиться съ Волеговымъ и Устряловымъ относительно возможности единоличнаго выкупа изъ плѣна великаго князя Василія II Темнаго Строгановыми, несмѣтныя богатства которыхъ, сбереженныя вѣками, не даромъ же вошли въ пословицу: «*богаче Строганова не будешь*».

4) Историческая роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири въ связи съ вопросомъ о поземельныхъ правахъ ихъ.

Теперь мы переходимъ къ вопросу, имѣющему широкое значеніе въ исторіи Россіи вообще, представляющему интересъ столько же политическій, сколько и экономическій. Нельзя не сказать, что этотъ вопросъ—едва-ли не самый запутанный и спорный въ исторіи на-

---

[1]) Устряловъ на стр. 22 своей книги исчисляетъ пожертвованія Строгановыхъ, указанныя въ грамотѣ 1692 г., по современной цѣнности монеты болѣе чѣмъ въ 2½ милліона рублей серебромъ, т. е. принимаетъ прежній русскій рубль XVII вѣка равнымъ почти *тремъ* рублямъ, такъ какъ въ тѣ времена монета была гораздо дороже. Карамзинъ же въ своей «Исторіи Госуд. Россійс.» (томъ X, стр. 270) цѣнитъ прежній рубль XVII вѣка въ *пять* рублей серебромъ, ему современныхъ. Въ такомъ случаѣ пожертвованіе Строгановыхъ въ 841.762 руб. сер., по цѣнности нашей монеты въ началѣ XIX вѣка, составляло 4.208.810 руб. *серебромъ* или 14.732.835 рублей *ассигнаціями*.

нихъ окраинъ, тѣмъ болѣе что съ завоеваніемъ Сибири связывается вопросъ о способахъ русской колонизаціи вообще и объ аграрныхъ отношеніяхъ между правительствомъ и частными лицами—этими проводниками колонизаціи. Завоеваніе Сибири было гигантскимъ шагомъ въ нашемъ колонизаціонномъ движеніи на востокъ, продолжающемся и понынѣ въ средней Азіи, и между тѣмъ это великое дѣло совершилось безъ всякихъ потерь и матеріальныхъ жертвъ со стороны правительства, благодаря частной предпріимчивости. Несомнѣнно, что фамилія Строгановыхъ играла весьма видную роль въ этомъ дѣлѣ, уясненіе которой и составляетъ нашу прямую цѣль въ настоящемъ случаѣ.

Дабы удобнѣе было разобраться въ массѣ научныхъ воззрѣній по этому вопросу, нерѣдко прямо противоположныхъ одно другому, мы укажемъ сначала первоисточники, на основаніи которыхъ слагались эти воззрѣнія, а потомъ уже сконцентрируемъ эти послѣднія въ извѣстныя группы или разряды.

Важнѣйшимъ, по древности и достовѣрности, источникомъ въ вопросѣ о завоеваніи Сибири наши историки, за исключеніемъ г. Небольсина, признаютъ, такъ названную Карамзинымъ, *Строгановскую лѣтопись* Сибири, изданную г. Спасскимъ въ 1821 г. въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли Русскими, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII вѣка». Эта же лѣтопись напечатана была въ журналѣ «Сибирскій Вѣстникъ» за 1821 годъ

часть XIV. Она обращаетъ особенное вниманіе на роль Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири, почему Небольсинъ и заподозрилъ ея составителя въ пристрастіи; къ тому же онъ не считаетъ ея древнѣйшею, относя ея составленіе ко второй половинѣ XVII вѣка. Но Карамзинъ въ примѣчаніи 630 къ IX тому «Исторіи Государства Россійскаго» отдаетъ этой лѣтописи предпочтеніе предъ всѣми другими, и это его мнѣніе вполнѣ раздѣляетъ Соловьевъ въ дополненіи къ VI тому своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (Москва 1856 годъ). Отсюда и происходитъ совершенное несходство научныхъ воззрѣній въ вопросѣ о покореніи Сибири Небольсина съ одной стороны и Карамзина съ Соловьевымъ—съ другой.—Вторымъ, по степени важности, источникомъ считается Сибирская лѣтопись Саввы Есипова. Она была издана въ печати дважды: въ первый разъ ее напечаталъ въ 1822 г. въ «Трудахъ Санктпетербургскаго Общества любителей Россійской словесности» тогдашній директоръ Пермской гимназіи Никита Поповъ, а чрезъ два года, т. е. въ 1824 г., та же лѣтопись явилась на страницахъ журнала «Сибирскій Вѣстникъ» (часть XXV) *), издававшагося тѣмъ самымъ Григоріемъ Спасскимъ, который въ 1821 году въ томъ же журналѣ и въ особой книгѣ издалъ Строгановскую лѣтопись Сибири. Объ лѣтописи онъ снабдилъ весьма полезными и дѣльными библіографиче-

*) См. «Источники и пособія для изученія Пермскаго края» Д. Д. Смышляева. Пермь 1876 г., стр. 30 и 26—29. Впрочемъ въ 1849 г. Небольсинъ сдѣлалъ печатный сводъ всѣхъ Сибирскихъ лѣтописей въ своей книгѣ: «Покореніе Сибири».

скими примѣчаніями. Во время лѣтней археологической экскурсіи 1882 года я имѣлъ счастливый случай найдти новый списокъ Есиповской лѣтописи въ рукописи первой половины XVII вѣка (къ сожалѣнію, безъ первыхъ шести главъ), съ просьбою о напечатаніи котораго я и думаю обратиться въ одно изъ нашихъ историческихъ обществъ. Въ противоположность Строгановской, лѣтопись Саввы Есипова молчитъ о Строгановыхъ, приписывая всю заслугу покоренія Сибири дружинѣ Ермака Тимофеевича. На этомъ основаніи Небольсинъ и отдаетъ ей предпочтеніе, какъ болѣе безпристрастной, съ чѣмъ не согласны, однако, другіе ученые. Карамзинъ и Соловьевъ справедливо указываютъ на то, что данныя Строгановской лѣтописи подтверждаются грамотами и другими несомнѣнными документами, почему составителей ея нельзя винить въ пристрастномъ отношеніи къ Строгановымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Небольсинъ считаетъ Есиповскую лѣтопись древнѣйшею, а Карамзинъ и Соловьевъ—позднѣйшею сравнительно съ Строгановскою. «Сія повѣсть, говоритъ Карамзинъ о лѣтописи Есипова, основана на первой или Строгановской съ нѣкоторыми отмѣнами и прибавленіями». (Примѣч. 630 къ IX т. «Исторіи»). Есиповская же лѣтопись, въ свою очередь, опять была сокращена и въ этомъ сокращенномъ видѣ составила третью Сибирскую лѣтопись: «Сказаніе о Сибирскомъ Царствѣ», которую Карамзинъ зналъ въ рукописи. Ее напечаталъ Небольсинъ въ своей книгѣ въ 1849 г. Тотъ же г. Спасскій помѣстилъ въ своемъ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» за 1822 г. часть XVII. «Повѣствованіе о Сибири» неизвѣстнаго автора». Онъ не-

ревелъ его съ двухъ латинскихъ рукописей XVII вѣка, которыя и соединилъ въ одно цѣлое. Это повѣствованіе, по видимому, было неизвѣстно Карамзину. Пятымъ источникомъ по исторіи Сибири является лѣтопись Семена Ремезова, о которой Карамзинъ въ 630 примѣчаніи къ IX тому «Исторіи» говоритъ такъ: «Пятымъ источникомъ служитъ такъ называемый *Тобольскій Лѣтописецъ*, состоящій болѣе изъ худыхъ рисунковъ, нежели изъ повѣствованія, которое идетъ въ немъ до 1649 года и весьма баснословно. Сія рукопись, полученная Миллеромъ (авторомъ Сибирской исторіи) отъ воеводы Енисейской провинціи, Мировича, и въ 1744 г. отданная имъ въ библіотеку Академіи наукъ, едва-ли старѣе временъ Петра Великаго. Титулъ въ началѣ: *Сибирская Исторія*; а на другомъ вклеенномъ листкѣ: *Лѣтопись Сибирская краткая Кунгурская*. Въ концѣ имя затѣйливаго автора или писца, Тобольскаго жителя, изображено числительными буквами (изъясненными для меня почтеннымъ моимъ пріятелемъ, А. И. Ермолаевымъ: *писалъ Семенъ Ремезовъ*). Сочинитель пользовался, какъ думаю, народными преданіями, догадывался, вымышлялъ: а Миллеръ на его невѣрныхъ сказаніяхъ (не знавъ, кажется, Строгановскаго Лѣтописца) основалъ свою Исторію Сибири, любопытную мѣстными описаніями и внесенными въ нее грамотами. Фишеръ повторяетъ Миллера такъ же, какъ и неизвѣстный мнѣ авторъ рукописной *Новой Сибирской Лѣтописи*, присланной графу Н. П. Румянцеву Тобольскимъ Архіепископомъ Амвросіемъ». Такимъ образомъ по степени древности и достовѣрности Ремезовская лѣтопись не можетъ

идти ни въ какое сравненіе съ указанными раньше четырьмя лѣтописями; и между тѣмъ на ней основаны капитальные труды по исторіи Сибири Миллера и Фишера. Она издана въ печати недавно корреспондентомъ Археографической Коммиссіи, г. Зостъ, подъ заглавіемъ: «Краткая Сибирская лѣтопись (Кунгурская). Со 154 рисунками. С.-Петербургъ 1880 г.» Г. Зостъ издалъ ее на свой счетъ, при содѣйствіи коммиссіи, къ предстоявшему тогда 300-лѣтнему юбилею Сибири. Впрочемъ Небольсинъ еще ранѣе напечаталъ ее въ своей книгѣ вмѣстѣ съ другими лѣтописями. Особенность во взглядѣ Ремезова на историческую роль Строгановыхъ состоитъ въ томъ, что они приняли Ермака будто бы только изъ страха казацкихъ разбоевъ, которыми казаки славились тогда на нижней Волгѣ, на Дону и по берегамъ Каспія. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Ремезовская лѣтопись больше сходна съ Есиповскою, нежели со Строгановскою. На этой лѣтописи Ремезова была основана и позднѣйшая лѣтопись Сибири, которую Карамзинъ называетъ, какъ мы видѣли, *Новою Сибирскою Лѣтописью*. Авторомъ ея былъ Тобольскій житель Илья Черепановъ. Эта лѣтопись извѣстна въ двухъ спискахъ: Тобольскаго архіепископа Амвросія и Григорія Спасскаго. Послѣдній списокъ доведенъ до 1759 г., и съ него эта лѣтопись была издана Спасскимъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1821 г., ч. XIV (вмѣстѣ со Строгановскою). Какъ позднѣйшая, лѣтопись Черепанова не имѣетъ такого научнаго значенія, какъ Строгановская или Есиповская, тѣмъ болѣе, что она основана на баснословной и недостовѣрной лѣтописи Ремезова. Главная

особенность ея состоитъ въ томъ, что она покорителя Сибири называетъ *Василіемъ Тимофеевичемъ*, *прозваніемъ Ермакъ*, т. е. таганъ, такъ какъ онъ до прихода къ Строгановымъ служилъ будто-бы кашеваромъ въ одной казацкой шайкѣ (см. объ этомъ примѣчаніе 650 къ IX т. «Исторіи Гос. Росс» Карамзина и въ книгѣ Смышляева: «Источники и пособія о Пермск. краѣ» страницу 31). Наконецъ краткія замѣтки о завоеваніи Сибири мы находимъ въ «*Книгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ*», которая была издана Академіей Наукъ, какъ приложеніе къ извѣстной Никоновской лѣтописи, въ 1792 г. (См. книгу: «Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ. Часть осьмая. Съ 1583 до 1630 года. С.П.Б. 1792 года»). Въ 1853 г. этотъ «Новый Лѣтописецъ» XVII вѣка былъ изданъ въ особой книгѣ княземъ Оболенскимъ. Въ 1882 г. я нашелъ, вмѣстѣ съ лѣтописью Саввы Есипова, новый варіантъ этого лѣтописца въ рукописи XVII вѣка, который представленъ мною въ «Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ»; послѣднее постановило напечатать его въ своихъ «Извѣстіяхъ». «Новый лѣтописецъ» XVII вѣка согласенъ со Строгановскою Сибирскою лѣтописью относительно призыва казаковъ самими Строгановыми. Немаловажнымъ источникомъ въ вопросѣ о покореніи Сибири надо признать и жалованныя роду Строгановыхъ грамоты, которыхъ сохранилось очень много и которыми пользовались, какъ видно, составители Строгановской лѣтописи Сибири—древнѣйшей изъ всѣхъ.

Приведенный обзоръ главнѣйшихъ источниковъ по исторіи Сибири уже даетъ намъ основаніе свести къ тремъ главнымъ группамъ различныя мнѣнія ученыхъ относительно той исторической ролп, которую имѣли Строгановы въ дѣлѣ покоренія Сибири. Одни мнѣнія основываются на древнѣйшей Сибирской лѣтописи —Строгановской, другія—на лѣтописи Саввы Есипова, третьи—на лѣтописи Ремезова. Остальныя Сибирскія лѣтописи, будучи передѣлкой этихъ трехъ, не имѣютъ самостоятельнаго научнаго значенія. Главнѣйшими представителями первой группы ученыхъ являются Карамзинъ, Соловьевъ, Устряловъ; второй группы— Небольсинъ и Погодинъ, третьей группы—историки Сибири прошлаго вѣка, Миллеръ и Фишеръ и князь Щербатовъ. Ѳ. А. Волеговъ въ этомъ вопросѣ примкнулъ къ первой группѣ[1]). Разсмотримъ мнѣнія ученыхъ всѣхъ трехъ группъ, начиная съ историковъ прошлаго вѣка въ видахъ соблюденія хронологической послѣдовательности.

А). Группа сторонниковъ взглядовъ Ремезова. Лѣтопись Ремезова въ прошломъ вѣкѣ пользовалась гораздо большимъ довѣріемъ въ глазахъ нашихъ ученыхъ, нежели въ нашемъ столѣтіи, когда историческая критика рѣшительно предпочла ей не только лѣтопись Строгановскую, но и Есиповскую. Главнѣйшимъ представителемъ ученыхъ этой группы слѣдуетъ считать Герарда Фридриха Миллера, автора капитальнаго труда по исторіи Сибири—«Описанія Си-

---

[1]) Весьма сожалѣемъ, что въ Перми мы не могли достать извѣстнаго сочиненія *Словцова:* «Историческое обозрѣніе Сибири». 2 тома. Москва 1848—9 гг.

бирскаго царства», изданнаго въ Петербургѣ въ первый разъ въ 1750 г., а во второй — въ 1787 г. Вѣроятно, онъ не зналъ Строгановской лѣтописи и потому основывалъ свои взгляды на показаніяхъ лѣтописца Ремезова. Другой историкъ Сибири, Фишеръ, въ этомъ отношеніи не обнаруживаетъ особенной самостоятельности и только повторяетъ Миллера, что слѣдуетъ сказать и о современникѣ ихъ, князѣ Щербатовѣ. Мы приведемъ сначала подлинныя слова Ремезовской лѣтописи, послужившія источникомъ научныхъ воззрѣній для упомянутыхъ ученыхъ, а затѣмъ и подлинныя разсужденія этихъ послѣднихъ.

Лѣтописи Ремезова статья 5: «Начало завоеванія Ермака Тимоѳеевича сына Поволскаго. Въ 7085 и 6 годѣхъ (т. е. 1577—8 г.) воевалъ и разбивалъ на Окѣ и Волгѣ и на морѣ суды и катарги торговыхъ караваны въ скопѣ съ 5000 человѣкъ, хотя итти въ Кизылбаши, для своей власти, съ Донскими и Яицкими (казаками). И преже и въ тѣхъ лѣтахъ промчеся воровской слухъ его въ Россіи, въ Казанѣ и въ Астраханѣ, и что кизылбашскихъ пословъ пограбили Ермачко именемъ со многими людми. У него жъ было въ скопѣ на морѣ 7000 человѣкъ. И того жъ 85 году (т. е. 1577) октября въ 1 день, посланъ указъ отъ великого государя со столникомъ Иваномъ Мурашкинымъ по дорогѣ и въ Астрахань, гдѣ тѣхъ воровъ ни застанетъ, тутъ пытать, казнить и вѣшать. Ермакъ же совѣтомъ съ дружиною, услыша грозное слово и дѣло, августа съ 29 числа, и съ возвратомъ здумали бѣжать въ Сибирь разбивать, обратя струги по Волгѣ и по Камѣ вверхъ. И тотъ ихъ государевъ указъ на ста-

нахъ не засталъ..... И сентября въ 26 день обмишенилися, не попали по Чюсовой въ Сибирь и прогребли по Сылвѣ вверхъ..... и идучи у жителей обирали хлѣбы и запасы, и тутъ зимовали, и по за Камени Вогуличь воевали и обогатѣли. А хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова»..... Статья 7: «.... а въ походъ Ермакъ на струги дружинѣ своей у Максима взимая съ пристрастіемъ, а не вовсе въ честь или взаймы, но убити хотѣша и жита его разграбить и домъ его и при немъ живущихъ разорити въ конецъ, и приступи къ Максиму гызомъ (?)»..... Статья 8: «*Максимъ же страхомъ одержимъ и съ подданными своими отворилъ анбары хлѣбные*».....

Вотъ источникъ научныхъ воззрѣній Миллера и его послѣдователей, Фишера и князя Щербатова. Миллеръ въ «Описаніи Сибирскаго Царства» такъ говоритъ о появленіи Ермака на Уралѣ: «§ 22. Между убѣжавшими (съ Волги) казаками былъ атаманъ Ермакъ Тимофѣевъ съ товарищи, которые бѣжали вверьхъ по рѣкѣ Камѣ до устья рѣки Чусовой, или, какъ въ Тобольскомъ лѣтописцѣ пишетъ, до Строгоновскаго городка Орла при рѣкѣ Камѣ, и пришли къ Строгановымъ хотя не съ такими разбойническими поступками, какіе они на рѣкѣ Волгѣ чинить обыкли: однакожъ и не совсѣмъ такъ смирно, чтобъ сихъ гостей опасаться причины не было. Всѣ лѣтописцы объявляютъ согласно, что тогда при рѣкѣ Камѣ жилъ *Максимъ Строгановъ*, которой *Ермака съ товарищи, опасаясь отъ него худыхъ слѣдствій, пріятно принялъ;* и понеже онъ былъ человѣкъ весьма зажиточной, то снабдилъ его и всякими потребностьми» (см. въ изданіи 1750 г. главу

вторую стр. 92—93). Это—исходная точка научныхъ воззрѣній Миллера. Далѣе онъ чрезвычайно обстоятельно развиваетъ эту мысль, такъ что на долю его преемниковъ досталось лишь повтореніе сказаннаго имъ. Здѣсь является вопросъ: если Строгановы *вынуждены* были принять казаковъ, то за что же жаловался на нихъ царю Чердынскій воевода Василій Пелепелицынъ. Миллеръ объясняетъ это *личною* непріязнью его къ Строгановымъ и считаетъ неправильнымъ доносъ его въ Москву. «Словомъ, онъ писалъ, говоритъ Миллеръ, какъ человѣкъ, который ни о состояніи Сибири, ниже о благополучномъ успѣхѣ Ермакова оружія не имѣлъ никакого извѣстія» (§ 2 третьей главы, стр. 145 изданія 1750 г.) Другой историкъ Сибири, Фишеръ, не сказалъ ничего новаго въ сравненіи съ Миллеромъ. Вотъ его слова изъ «Сибирской исторіи», изданной въ Петербургѣ въ 1774 г. «Въ числѣ разбойниковъ былъ нѣкто именемъ Ермакъ Тимофѣевъ, который, прослышавъ о походѣ противъ ихъ царской военной силы, вздумалъ заблаговременно скрыться. Чего ради онъ съ сообщниками своими, которыхъ, какъ сказываютъ, было отъ 6000 до 7000 человѣкъ, пошелъ еще до прибытія царскаго войска вверьхъ по рѣкѣ Камѣ до Чусовой, гдѣ нашелъ Максима Строганова, сына Якова, а внука стараго Аники, который, *опасаясь ихъ наглости, дружески принялъ Ермака* со всѣми его товарищами и снабдѣвалъ всѣмъ нужнымъ къ содержанію..... Опасаяся слышанныхъ отъ нихъ угрозъ, что погубятъ его со всѣмъ домомъ и разграбятъ все его имѣніе, *принужденъ онъ былъ склониться на ихъ предложеніе*, котораго сила въ томъ состояла, что

Строгановъ обѣщался помогать Ермаку и его сообщникамъ для наступающаго похода довольнымъ числомъ съѣстнымъ и военныхъ припасовъ; напротивъ чего Ермакъ и его казаки, въ случаѣ ежели возвратятся съ хорошею добычею, обязались заплатить Строгановымъ за всѣ издержки» (стр 114—115 и 117—118). О жалобѣ Василія Нелепелицина Фишеръ выражаетъ то же мнѣніе, что и Миллеръ, такъ какъ другаго объясненія не допускаетъ въ данномъ случаѣ здравый смыслъ. «Можетъ статься, говоритъ Фишеръ, что донесено двору о семъ дѣлѣ *по ненависти*» (тр. 139). Князь Щербатовъ, въ свою очередь ссылаясь на Миллера и Фишера, въ V томѣ своей «Исторіи Россійской отъ древнѣйшихъ временъ» 1789 г. въ третій разъ повторилъ то же самое. «Хотя имѣлъ справедливую причину опасаться Строгановъ гнѣва царскаго за пріятіе сего гонимаго царскимъ оружіемъ; но настоящій страхъ, превозмогая въ немъ чувствіе будущія опасности, принудилъ его принять сего страшнаго гостя съ вооруженными съ нимъ людьми» (томъ V, часть 3, стр. 4—5). Вотъ одинъ кругъ мнѣній ученыхъ въ столь запутанномъ вопросѣ объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири. Переходимъ къ сторонникамъ взглядовъ Саввы Есипова.

Б). Группа сторонниковъ взглядовъ Саввы Есипова. Въ нашемъ вѣкѣ между нѣкоторыми учеными сложилось убѣжденіе, что Ремезовская лѣтопись не можетъ служить основаніемъ для научныхъ выводовъ, какъ мало достовѣрная и сравнительно позднѣйшая, и что въ вопросѣ о завоеваніи Сибири слѣдуетъ опираться главнѣйше на Есиповскую лѣтопись, будто-бы самую

безпристрастную и древнѣйшую. Такъ смотрѣли на дѣло Погодинъ и за нимъ Небольсинъ. Какъ сдѣлано нами и выше, мы приведемъ предварительно подлинныя слова лѣтописи Саввы Есипова, а потомъ уже разсужденія упомянутыхъ ученыхъ.

Лѣтопись Есипова глава 8: «Лѣта 7089 (1581) въ державѣ Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи Самодержца пріидоша сіи воины съ Волги въ Сибирь. Идоша же въ Сибирь Чусовою рѣкою и пріидоша на рѣку Тавлъ и плыша Тагиломъ и Турою и дойдоша до рѣки Тавды.....» Глава 16: «Егда же изволи Богъ христіанамъ Сибирскую землю взяти, и по взятіи того мѣста Ермакъ съ товарищи послаша къ Москвѣ съ нѣкоимъ атаманомъ изъ козаковъ, и писаша ко Благочестивому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Россіи Самодержцу, что изволеніемъ Всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога и Пречистой Его Богоматери и великихъ всея Россіи чудотворцевъ молитвами..... царство Сибирское взяша и царя Кучума съ воинство побѣдиша.....» Глава 37: «.....избра Богъ и посла не отъ славныхъ мужъ, ни царева повелѣнія всевѣдъ очистити мѣсто святыи и побѣдити бусурманскаго царя Кучума.... но отъ простыхъ людей избра Богъ и вооружи славою и разборетствомъ и вольностію атамана Ермака Тимофѣева сына Новольскаго со единомышленною и преизлюбленною дружиною храбровавшею.....»

Какъ видимъ, о Строгановыхъ лѣтопись совсѣмъ умалчиваетъ, сколько бы выписокъ мы ни приводили. Это обстоятельство и навело нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль, что все за-

воеваніе Сибири совершилось помимо всякаго участія въ этомъ дѣлѣ Строгановыхъ, благодаря храбрости однихъ казаковъ, и что лѣтопись Есипова, такъ повѣствующая объ этомъ событіи, именно самая достовѣрная и безпристрастная. Сначала высказался въ этомъ смыслѣ Погодинъ въ знакомой уже намъ рецензіи на книгу Устрялова о Строгановыхъ въ № 4 «Москвитянина» за 1843 годъ. Вотъ его подлинныя слова: «Г. Устряловъ говоритъ, что Ермакъ былъ именно призванъ Строгановыми для войны съ Кучумомъ, а въ главной грамотѣ имъ сказано только, что они (казаки) въ то самое время, когда напалъ на Пермь князь Пелымскій, пошли воевать Вогуличей, Перми же нисколько не пособили. Есиповская лѣтопись представляетъ совершенно иное извѣстіе. Думать о войнѣ съ Кучумомъ Строгановы никакъ не могли, ибо Кучумъ былъ данникомъ Московскаго царя и платилъ ему дань съ 1571 года. Спрашивая разрѣшенія царя о маловажныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, они, разумѣется, не рѣшились бы на войну безъ его вѣдома. Да и самъ Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ томъ. Почему Ермакъ самъ далъ знать царю о своемъ завоеваніи мимо Строгановыхъ, которые тутъ и не упоминаются? Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича говорится только о помощи Строгановыхъ козакамъ, и «они (козаки) Сибирское Государство взявъ, подъ нашу высокую руку привели». Теперь спрашивается, почему нѣтъ никакой грамоты отъ Іоанна Грознаго Строгановымъ по случаю Ермакова завоеванія? Почему нѣтъ имъ ни слова отъ Ѳедора Іоанновича и отъ Бориса Годунова? Наконецъ, неужели г. Устряловъ не знаетъ, что первое Ермаково

завоеваніе немедленно было потеряно?..... Завоеваніе утверждено Московскими силами при Ѳеодорѣ и Годуновѣ, который послалъ войско, и при этомъ случаѣ нѣтъ ни слова о Строгановской помощи и участіи». Эти слова Погодина обнаруживаютъ только недостаточное знакомство его самого съ грамотами Строгановыхъ, что мы увидимъ ниже, и излишнее довѣріе его *исключительно* одному источнику—лѣтописи Саввы Есипова, какъ будто всѣ другіе источники *не стоятъ* серьезнаго вниманія, по своему пристрастію. Однако же этотъ крайній и во многомъ ошибочный взглядъ на фактъ завоеванія Сибири нашелъ себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ Небольсина, автора спеціальнаго сочиненія: «Покореніе Сибири» (1849 г.), перечитавшаго чуть-ли не всѣ источники по этому вопросу. Основная мысль книги, весьма старательно проведенная чрезъ все сочиненіе, можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: Сибирь была покорена исключительно казаками Ермака безъ участія въ этомъ дѣлѣ Строгановыхъ. Очевидно, эта мысль внушена послѣдователю Погодина лѣтописью Есипова, которую Небольсинъ во всѣхъ отношеніяхъ предпочитаетъ прочимъ Сибирскимъ лѣтописямъ. Надо было бы выписать большую часть книги, чтобы привести здѣсь все сказанное авторомъ въ доказательство справедливости его основной мысли. Ограничимся немногими выдержками изъ этой книги, которую мы не можемъ не назвать тенденціозною по своему основному направленію. Упрекая другихъ писателей въ пристрастномъ отношеніи къ Строгановымъ, г. Небольсинъ самъ въ такой же степени пристрастенъ къ Ермаку, котораго онъ ставитъ выше американ-

скихъ піонеровъ, Кортеца и Пизарро, считаетъ едва-ли не геніемъ, исполненнымъ необыкновенныхъ качествъ. Это-ли не пристрастное отношеніе къ дѣлу! Но обратимся къ его подлиннымъ словамъ. «Лѣтопись Есипова, говоритъ Небольсинъ, не смотря на реторику и фразерство—кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью либо личную пользу..... Есиповъ худо-ли, хорошо-ли —но дѣйствовалъ не безъ критики и описываемыя происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгановыхъ, Пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только «оный велемудрый риторъ Ермакъ» съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей лѣтописи ссылку на другую лѣтопись: «иніи же повѣдаютъ лѣтописцы, яко призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгановы и даша имъ имѣнія» и проч. Есиповъ понималъ, что *здѣсь каждое слово вещь невозможная,* и потому просто пишетъ, что *Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь.* Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора *). Она повторяетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ Есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова..... Всѣ эти обстоятельства

*) Это и есть Строгановская лѣтопись. *Авт.*

заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недовѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала знакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту, задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ граммать всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ и всѣми силами старается выставить Ермаковыхъ козаковъ существами, не похожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: его казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а слабенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія, они не обыкновенные смертные..... Строгановскую лѣтопись Карамзинъ называетъ достовѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и сочиненною, вѣроятно, около 1600 года, продолжаетъ Небольсинъ. Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что Строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о Сибирской архіепископіи, тогда какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, и въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей..... что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ быть даже, она и еще позже составлена». Далѣе Небольсинъ высказываетъ ту мысль, что какъ неправильно смотрѣли до него ученые на Строгановскую лѣтопись, такъ же превратно толковали и самыя грамоты, жалованныя Строгановымъ и послужившія для этой лѣтописи основой. По мнѣнію Небольсина, *самыя*

земли даны были царями Строгановымъ не въ вотчину, а въ поссесію, аренду, кортому, слѣдовательно, во временное пользованіе и притомъ не болѣе сначала, какъ на 20 льготныхъ лѣтъ. Не большимъ, поэтому, правомъ могли пользоваться Строгановы и на земли въ Сибирѣ. Въ 1574 г. Строгановы, по челобитью, получили весьма важную грамоту, дававшую имъ возможность безпрепятственно колонизировать Сибирь русскими. «И азъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи Якова да Григорья Аникіевыхъ дѣтей Строганова, по ихъ челобитью, пожаловалъ на Тахчеяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ крѣпости имъ подѣлати, и снарядъ вогненной и пушкарей и пищальниковъ и сторожей отъ сибирскихъ и отъ нагайскихъ людей держати.... и лѣсъ сѣчи, и пашни пахати, и угодьи владѣти: а людей называти не письменныхъ и нетяглыхъ (не записанныхъ въ душевой окладъ). *А воровъ имъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животы и татей и разбойниковъ не называти и никакихъ воровъ не держати* и отъ всякаго лиха беретчи..... А льготы на Тахчеи и на Тоболъ рѣку съ рѣками и съ озеры и до вершинъ на пашни дали есьми отъ Троицына дни лѣта 7082 до Троицына дни лѣта 7102 году—*на двадцать лѣтъ*». Послѣ этого, замѣчаетъ Небольсинъ, «могли ли честные, набожные люди Строгановы, усердные слуги царя—къ обреченнымъ судьей-государемъ смерти ворамъ посылать ласковую грамоту? Могла-ли умнымъ промышленникамъ Строгановымъ прійти въ въ голову мысль—приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армію грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и

съ какой стати Строгановымъ, стяжавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшаться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя?» Мы приведемъ ниже возраженіе Соловьева на эти слова, не лишенныя нѣкоторой иронiи. Далѣе Небольсинъ приводитъ подробныя соображенія, которыя отрицаютъ самый фактъ посылки Строгановыми къ Ермаку пригласительнаго ласковаго письма, хотя это обстоятельство засвидѣтельствовано нѣсколькими другими историческими источниками, если и умолчано въ лѣтописи Есипова. Мы не будемъ однако болѣе приводить цитатъ изъ сочиненія Небольсина, такъ какъ и безъ того его главная, основная мысль теперь достаточно выяснилась. Она идетъ совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями Карамзина, Устрялова, Волегова и Соловьева, которые составляютъ третью группу ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о покоренiи Сибири. Пора перейти и къ ней.

В). Группа защитниковъ взглядовъ Строгановской лѣтописи. Сначала мы опять приведемъ подлинныя слова лѣтописи, а потомъ укажемъ мнѣнія ученыхъ, сложившіяся на основаніи этихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ.

Строгановской лѣтописи глава «О призваніи Волскихъ атамановъ»: «Въ лѣто 1579 году Априля въ 6 день слышаху бо Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы отъ достовѣрныхъ людей о буйствѣ и храбрости Поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побиваютъ и Ардобазарцовъ грабятъ и побиваютъ; и тіи людіе, слышавъ то про ихъ буйство и храбрость, и *людей своихъ съ*

писаніемъ и съ дары многими послаша къ нимъ, дабы шли къ нимъ въ вотчины ихъ въ Чусовскіе городки и въ острожки на спомоганіе имъ. *И они же вельми сему возрадовашася*, яко посланніи пріидоша къ нимъ отъ честныхъ людей и званіе ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матюѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же ихъ 500 и 40 человѣкъ, вскорѣ шествіе учиниша къ нимъ». Глава «О приходѣ Волскихъ атамановъ»: «Того жъ году Іюня въ 28 день, на память святыхъ чудотворецъ и безсребреникъ Кира и Іоанна, пріидоша съ Волги атаманы и казаки Ермакъ Тимоѳеевъ Поволской съ товарищи въ Чусовскіе городки; они же Семенъ и Макеимъ и Никита *Строгановы пріяша ихъ съ честію и даяху имъ дары многи* и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху. Атаманы же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ буйственно и единомысленно съ живущими ту людьми въ городкѣхъ, и біяхуся съ безбожными Агаряны сурово и немилостиво, и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуся: пожиста же они, атаманы и казаки, въ городкахъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два».

Таково свидѣтельство о приходѣ Ермака на Уралѣ древнѣйшей и достовѣрнѣйшей, по мнѣнію Карамзина и Соловьева, Строгановской Сибирской лѣтописи. Какъ видимъ, оно совершенно не согласуется съ сообщеніями Есиповской лѣтописи и противорѣчитъ показанію Ремезовской, будто Строгановы приняли казаковъ только изъ страха ихъ разбоевъ. Мы присоединяемся къ мнѣнію Карамзина и Соловьева о

достоинствахъ Строгановской лѣтописи, такъ какъ сообщенія ея повторяются другими вполнѣ достовѣрными источниками, въ которыхъ свидѣтельства Есипова и Ремезова не находятъ себѣ подтвержденія. Упомянутая нами въ обзорѣ источниковъ по исторіи Сибири «Книга, глаголемая Новый Лѣтописецъ», изданная въ 1792 г. Академіей Наукъ въ видѣ продолженія Никоновской лѣтописи, между прочимъ говоритъ (глава 1-я): «Царь же Иванъ, видя воровство и злое непокорство (казаковъ, грабившихъ по Волгѣ), посла на нихъ воеводъ своихъ и повелѣ ихъ тамъ имати и вѣшати; многихъ же имающе и казняху, а иные жъ, аки волки, разбѣжашася, по Волгѣ жъ вверхъ отъ нихъ *побѣгоша шесть сотъ человѣкъ по присылкѣ Максима Строганова*, въ нихъ же старѣйшина атаманъ, рекомый Ермакъ, и иные многіе атаманы. И доидоша до рѣки до Камы и Камою вверхъ вошли до Чусовой до вотчины Строгановыхъ». Какъ видимъ, фактъ *присылки* Строгановыми за дружиной Ермака на Волгу подтверждается лѣтописью, составленіе которой ученые относятъ къ началу XVII вѣка *). Но есть еще источники, вышедшіе непосредственно изъ рукъ нашихъ государей и потому несомнѣнные по своей достовѣрности — это жалованныя Строгановымъ царскія грамоты. Соловьевъ, возражая Небольсину, справедливо замѣтилъ, что фактъ приглашенія Ермака самими Стро-

*) См. предисловіе къ «Новому лѣтописцу» въ изданіи князя Оболенскаго 1853 г. Въ найденномъ мною *Соликамскомъ* его спискѣ XVII вѣка начало лѣтописца, къ сожалѣнію, утрачено. Мой списокъ начинается съ извѣстій о появленіи Григорія Отрепьева. *Авт.*

гановыми лучше всего подтверждается гнѣвною къ нимъ грамотою Іоанна Грознаго, написанной 16 ноября 7091 (1582) года вслѣдствіе донесенія на нихъ тогдашняго Чердынскаго намѣстника, Василія Пелепелицына. Грамота эта, исполненная рѣзкихъ и компрометирующихъ имя Строгановыхъ выраженій, занесена однако въ Строгановскую Сибирскую лѣтопись ея неизвѣстнымъ составителемъ, который тѣмъ самымъ лучше всего доказалъ свое безпристрастное отношеніе къ дѣлу. «*А Волскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ*, говоритъ гнѣвная грамота Іоанна, записанная въ лѣтопись, *воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указа;* а атаманы съ казаки прежъ того ссорили насъ съ Нагайскою ордою, пословъ Нагайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинились, и имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу Пермьскую землю оберегати.... *и такою вашею измѣною*, что надъ Пермьскими мѣсты учинится отъ Вогуличь, и отъ Пелымцовъ, и отъ Сибирскаго Салтана людей, *и впередъ намъ въ томъ опала на васъ своя положити большая*». Ѳ. А. Волеговъ, столь глубоко изучившій всѣ данныя исторіи и Строгановыхъ и столь безпристрастный въ своихъ сужденіяхъ, также основываетъ свое мнѣніе о призывѣ Ермака Строгановыми на этой грамотѣ, что мы увидимъ ниже. А Небольсинъ, донельзя увлекшійся Есиповской лѣтописью, вмѣстѣ съ Погодинымъ, закрываетъ глаза при видѣ этихъ свидѣтельствъ грамотъ, совершенно игнорируетъ ихъ. Погодинъ, не смотря на всю свою историческую эрудицію, не зналъ Строгановскихъ грамотъ съ должной

основательностью, какъ доказалъ вышеприведенной рецензіей въ «Москвитянинѣ»; поэтому онъ непреднамѣренно отвергалъ фактъ призванія Ермака. Но Небольсинъ спеціально занимался вопросомъ о покоренія Сибири, прочелъ всѣ грамоты и лѣтописи Сибирскія и видимо имѣлъ въ виду предвзятую цѣль—доказать, что Строгановы въ дѣлѣ покоренія Сибири были не при чемъ. Неправильность толкованія источниковъ Небольсинымъ тѣмъ болѣе непростительна, что фактъ призванія Ермака самими Строгановыми и ихъ несомнѣнное участіе въ покореніи Сибири открыто заявляется, кромѣ Іоанна Грознаго, Алексѣемъ Михайловичемъ и Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ грамотахъ 1673 и 1692 гг. Вотъ слова грамоты Алексѣя Михайловича, пожалованной Строгановымъ въ 1673 году, повторенныя потомъ слово въ слово и въ знаменитой грамотѣ Петра Великаго отъ 1692 г. Григорію Дмитріевичу Строганову: «..... да прадѣдъ же его, Григорьевъ (т. е. Семенъ Аникіевичъ Строгановъ), служа и радѣя предкамъ нашимъ государскимъ и намъ, Великимъ Государямъ, *призвалъ съ Волги атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи*, ратныхъ многихъ людей наймывалъ и всему войску помочь чинилъ, и деньги, платье и боевое ружье и порохъ и свинецъ и всякой запасъ къ воинскому дѣлу изъ заводовъ и изъ своихъ пожитковъ давалъ и дворовыхъ людей съ ними посылалъ, и *Сибирское государство они взяли и подъ нашу, Великихъ Государей, высокую руку Сибирцовъ привели*» (см. книгу Устрялова о Строгановыхъ, стр. 88). Не ясно-ли заявляется въ этихъ словахъ настоящая историческая роль Строгановыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири,

заявляется съ высоты царскаго престола, царскими устами! Неужели и этимъ словамъ нельзя давать вѣры, какъ дѣлаютъ это Небольсинъ и Погодинъ!

Всѣ указанныя данныя источниковъ и основанныя на нихъ соображенія даютъ намъ твердую увѣренность въ совершенномъ безпристрастіи и достовѣрности Строгановской Сибирской лѣтописи и заставляютъ понимать историческую роль Строгановыхъ въ великомъ дѣлѣ покоренія Сибири согласно съ ея показаніями. Приведемъ теперь подлинныя слова Карамзина, Устрялова, Соловьева и Волегова относительно обстоятельствъ появленія Ермака на Уралѣ и участія въ этомъ дѣлѣ Строгановыхъ. Предварительно замѣтимъ однако, что впервые появленіе Ермака на Уралѣ и его Сибирскій походъ изложены были, согласно съ показаніями Строгановской лѣтописи, еще Икосовымъ въ его тенденціозной «Исторіи о родословіи, богатствѣ и заслугахъ Строгановыхъ» 1761 года. Это—одно изъ достоинствъ его книги. Послѣ него въ томъ же родѣ писалъ Карамзинъ.

Карамзинъ, слѣдуя преимущественно Строгановской лѣтописи, показанія которой вездѣ тщательно сличаются имъ съ извѣстіями другихъ Сибирскихъ лѣтописей, въ IX томѣ «Исторіи Госуд. Россійс.» (изданіе 1831 г. стр. 437—441) говоритъ слѣдующее по занимающему насъ вопросу: «Умные Строгановы предложили пяти храбрецамъ службу честную; *послали къ нимъ дары, написали грамоту ласковую* (6 Апрѣля 1579 г.), убѣждали ихъ отвергнуть ремесло, недостойное Христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Бѣлаго..... Ермакъ съ товарищами прослезился

отъ умиленія, какъ пишутъ..... Они подняли знамя на берегу Волги, кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцовъ и (21 іюня)*) прибыли къ Строгановымъ—«съ радостію и на радость», говоритъ лѣтописецъ..... Ермакъ съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія, при звукѣ трубъ воинскихъ, 1 сентября 1581 года отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ, на подвигъ славы, безъ всякаго содѣйствія, *даже безъ вѣдома Государева:* ибо Строгановы, имѣя Іоаннову жалованную грамоту на мѣста за Каменнымъ Поясомъ, *думали, что имъ уже нѣтъ надобности требовать новаго Царскаго указа* для ихъ великаго предпріятія. Не такъ мыслилъ Іоаннъ.... Въ то самое время, когда Россійскій Пизарро, не менѣе Испанскаго грозный для дикихъ народовъ, менѣе ужасный для человѣчества, шелъ воевать Кучумову державу, князь Пелымскій съ Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напалъ на берега Камы, выжегъ, истребилъ селенія близъ Чердыни, Усолья и новыхъ крѣпостей Строгановскихъ..... Сей разбой поставили въ вину Строгановымъ: Іоаннъ писалъ къ нимъ, что они, какъ доносилъ ему Чердынскій намѣстникъ Василій Пелепелицынъ, не умѣютъ или не хотятъ оберегать границы; *самовольно призвали опальныхъ казаковъ*, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ и князя Пелымскаго и салтана Кучума; что *такое дѣло есть измѣна*, достойная казни..... ..... Сей гнѣвный указъ испугалъ Строгано-

*) Тутъ у Карамзина ошибка, такъ какъ Строгановская лѣтопись относитъ приходъ Ермака къ Строгановымъ къ 28 іюня.

выхъ; но блестящій, неожиданный успѣхъ оправдалъ ихъ дѣло, и гнѣвъ Іоанновъ перемѣнился на милость». Какъ видимъ, Карамзинъ въ своемъ разсказѣ строго придерживается Строгановской лѣтописи.

Послѣ него по вопросу о покореніи Сибири высказалъ свой взглядъ Устряловъ въ книгѣ: «Именитые люди Строгановы» (С.П.Б. 1842). Онъ также слѣдуетъ показаніямъ Строгановской лѣтописи, находя ее самой достовѣрной. «Имѣя право вести войну за хребтомъ Уральскимъ *), говоритъ онъ, и нанимать для этой цѣли ратныя дружины изъ людей вольныхъ, неписьменныхъ и нетяглыхъ, *Строгановы отправили ласковую грамоту и богатые дары на Волгу въ казацкія станицы,* съ призывомъ храбрыхъ витязей на подвигъ чести и корысти. Нашлось болѣе 500 охотниковъ; вождемъ ихъ былъ славный Ермакъ. Онъ привелъ свои дружины въ Чусовскіе города въ 1579 г., жилъ здѣсь болѣе 2 лѣтъ, неоднократно отражалъ нападеніе Остяковъ, Вогуличей, Нагайцевъ, между тѣмъ устроивалъ свое войско и готовился къ подвигу важнѣйшему. Строгановы снабдили его всѣмъ необходимымъ: пушками, ружьями, свинцомъ, порохомъ, съѣстными припасами, перевозными судами, дали ему 300 человѣкъ ратныхъ изъ своихъ людей и указали путь въ Сибирь. Ермакъ перешагнулъ Каменный поясъ, разсѣялъ войска Кучума, овладѣлъ столицею его Искеромъ, а самого загналъ въ степи Ишимскія и прислалъ въ Москву сподвижника своего Ивана Кольцо ударить челомъ государю царствомъ Сибир-

*) По грамотѣ 1574 г., отрывокъ изъ которой приведенъ при разборѣ мнѣнія г. Небольсина

скимъ.—Такъ разсказано это важное происшествіе, продолжаетъ Устряловъ, въ достовѣрной лѣтописи о взятіи Сибирскаго государства, замѣчательной простотою разсказа и точностью въ описаніи тѣхъ фактовъ, которые мы имѣемъ возможность повѣрить документами. Прежде, до Карамзина, у насъ господствовало общее мнѣніе, раздѣляемое нѣкоторыми и нынѣ, что Ермакъ за разбои на Волгѣ навлекъ на себя гнѣвъ Іоанна и, преслѣдуемый царскими войсками, случайно забрелъ на берега Камы, въ имѣніе Строгановыхъ, которые, желая избавиться отъ незваннаго гостя, опаснаго буйствомъ товарищей, убѣдили его идти въ Сибирь, чтобы покореніемъ сей страны заслужить прощеніе государя. Эту мысль утвердилъ Миллеръ. Карамзинъ поколебалъ ее, принявъ въ основаніе своего краснорѣчиваго разсказа о завоеваніи Сибири вышеупомянутую лѣтопись—и справедливо. Правда, Волжскіе и Донскіе казаки, незадолго предъ тѣмъ (лѣтъ за 25) поддавшіеся Іоанну, жили несмирно, грабили по Волгѣ, убивали купцовъ, даже посланниковъ азіатскихъ, ѣзжавшихъ въ Москву, и заслужили гнѣвъ Іоанна, который вынужденъ былъ посылать войска для ихъ усмиренія. Но съ другой стороны не менѣе достовѣрно и то, что во 1) Строгановы гораздо прежде пришествія Ермака задумали внести свое оружіе въ предѣлы Сибири и 2) Ермакъ былъ именно призванъ ими для войны съ Кучумомъ. Въ первомъ убѣждаетъ насъ грамота Іоанна Грознаго на рѣку Тоболъ (отъ 1574 г.); во второмъ удостовѣряютъ столь же положительныя свидѣтельства». (стр. 16—17.) Этими свидѣтельствами Устряловъ и считаетъ гнѣвную грамоту Іоанна отъ

16 ноября 1582 г. и грамоту Алексѣя Михайловича 1673 года. Устрялов выписываетъ изъ той и другой мѣста, въ которыхъ говорится о *призваніи* Ермака Строгановыми, что нами сдѣлано уже выше.

Теперь приведемъ мнѣніе Ѳ. А. Волегова по вопросу о покореніи Сибири. Оно основано на тѣхъ же жалованныхъ грамотахъ, выписки изъ которыхъ мы привели выше. *) Вотъ подлинныя разсужденія Волегова: «Въ № 50 Сѣверной Пчелы за 1843 г. была помѣщена рецензія на книгу Устрялова: «Именитые люди Строгановы.» Въ ней рецензентъ между прочимъ пишетъ: «Царь позволилъ наконецъ Строгановымъ призвать къ себѣ буйныхъ Волжскихъ казаковъ и послать ихъ на Сибирскаго хана Кучума. Извѣстны слѣдствія—походъ Ермака и завоеваніе береговъ Тобола. Недопустивъ Строгановыхъ воспользоваться обширными Сибирскими завоеваніями, правительство наградило ихъ другими выгодами по имѣніямъ и по торговлѣ» (Мы знаемъ уже, что эту рецензію писалъ Строевъ. Далѣе Волеговъ полемизируетъ съ нимъ). «Выраженіе: царь *позволилъ* Строгановымъ призвать казаковъ—не совсѣмъ согласно съ дѣломъ, продолжаетъ Волеговъ. Грамотою 1574 года мая 30 хотя и позволено было Якову и Григорію Аникіевичамъ Строгановымъ «ходить на Сибирскаго салтана, сбирая для того охочихъ людей, Остяковъ, Вогуличь, Югричь и Самоядь, съ свои-

*) Въ своихъ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о гг. Строгановыхъ» Волеговъ излагаетъ фактъ *призванія* Ермака словами Карамзина, уже приведенными нами. Слѣдовательно, и Волеговъ—сторонникъ взглядовъ Строгановской лѣтописи. *Авт.*

ми и наемными казаки и снарядомъ своимъ воевати и въ полонъ имати и въ дань приводити»; но о призывѣ опальнаго Ермака съ его шайкой не только не было дозволенія царскаго, а напротивъ *за призывъ этихъ удальцовъ Грозный царь прогнѣвался на Строгановыхъ*, узнавъ о томъ изъ доноса Чердынскаго намѣстника Пелепелицына. Гнѣвъ сей царь изъявилъ въ грамотѣ къ Строгановымъ 1582 года ноября 16 между прочимъ такими словами: «Пелымской князь съ Сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ войною на наши Пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни, къ острогу приступали, и нашихъ людей побили и многіе убытки нашимъ людемъ учинили, *и то сдѣлалось вашею измѣною*: вы Вогуличь и Вотяковъ и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели и ихъ задирали и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ Сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ, *а Волскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указу.*» Эти царскія слова лучше всякихъ другихъ документовъ объясняютъ истинное положеніе дѣла. Вообще, о томъ, что Строгановы *призвали* Ермака и чрезъ него завоевали Сибирь; что *пожалованныя имъ* по грамотѣ 1574 года *на Тоболъ, на Иртышъ и на Оби земли составляютъ ихъ выслуженную собственность*—до сихъ поръ много уже было говорено и писано, но только все не впрокъ: на долю покорителей Сибири за ихъ великія жертвы ничего не досталось изъ Сибири, кромѣ исторической славы и листа бумаги—грамоты.» Такъ смотрѣлъ Ѳ. А. Волеговъ на участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири. Въ послѣднихъ словахъ проглядываетъ его

воззрѣніе на поземельныя права Строгановыхъ, сближающее его съ Соловьевымъ, къ разбору мнѣній котораго мы теперь и переходимъ.

Сначала мы посмотримъ, какъ излагаетъ Соловьевъ самый фактъ появленія Ермака на Уралѣ, а потомъ приведемъ его интересную ученую полемику съ Небольсинымъ. «Донскіе казаки, говоритъ Соловьевъ, надѣясь на безнаказанность вдали отъ государства, не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній или исполняли ихъ вполовину: они нападали не на однихъ Нагаевъ, Азовцовъ и Крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали Персидскихъ и Бухарскихъ пословъ, Русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей; козаковъ казнили и ловили, другіе разбѣжались, какъ волки, по выраженію лѣтописца, *) и одна толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ *получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу и согласилась съ радостію.* Это предложеніе пришло неранѣе весны 1579 года, хотя собственно можно было ожидать, что Строгановы станутъ прибирать охочихъ козаковъ гораздо ранѣе, именно съ 1574 года, когда они получили царскую грамоту, дававшую имъ право распространять свои промыслы и по ту сторону Уральскихъ горъ. Но эта

*) Тутъ Соловьевъ ссылается на *Хронографъ Хрущовскій* изъ библіотеки Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Выше мы видѣли, что это событіе точно также разсказывается и въ «Книгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ».

медленность объясняется легко событіями въ родѣ Строгановыхъ: Яковъ и Григорій Аникіевы умерли; остался третій братъ, Семенъ, съ двумя племянниками: Максимомъ, сыномъ Якова, и Никитою, сыномъ Григорія, при чемъ, какъ видно, Никита не жилъ въ большомъ согласіи съ дядею Семеномъ и двоюроднымъ братомъ Максимомъ. *Козаки явились къ Строгановымъ въ числѣ 540 человѣкъ подъ главнымъ начальствомъ атамана Ермака Тимофеева;* другіе атаманы были: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ. Они пришли въ Чусовскіе городки въ концѣ іюня 1579 г. и оставались здѣсь до сентября 1581 г. Въ это время, по словамъ (Строгановскаго) лѣтописца, *они помогали* Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей». (см. «Исторію Россіи», томъ VI, стр. 423—424). Читатель видитъ, что фактъ появленія Ермака на Уралѣ Соловьевъ разсказываетъ совершенно согласно съ Карамзинымъ и Устряловымъ, такъ какъ всѣ трое основывали свои взгляды на одномъ источникѣ. Теперь приведемъ полемику Соловьева съ Небольсинымъ, въ которой онъ, понятно, держитъ сторону Карамзина.

Прежде всего Соловьевъ возстаетъ противъ научныхъ пріемовъ и критической оцѣнки источниковъ Небольсинымъ. Приведя выписанныя нами выше слова Небольсина о двухъ главныхъ Сибирскихъ лѣтописяхъ, Соловьевъ возражаетъ на нихъ такъ: «Предъ нами двѣ лѣтописи: составитель одной обнаруживаетъ явное пристрастіе къ своему герою, Ермаку, для чего умалчиваетъ о призваніи его Строгановыми; составитель другой разсказываетъ

событія на основаніи источниковъ несомнѣнныхъ, именно царскихъ грамотъ, и приводитъ вполнѣ эти грамоты: котораго изъ двоихъ мы должны предпочесть? Неужели мы должны обличать послѣдняго въ пристрастіи къ Строгановымъ за то только, что онъ упоминаетъ объ участіи ихъ въ дѣлѣ Ермака, основываясь на царскихъ грамотахъ, прямо говорящихъ объ этомъ участіи? Слѣдовательно, Строгановская лѣтопись должна быть предпочтена всѣмъ другимъ извѣстнымъ лѣтописямъ Сибирскимъ по своимъ источникамъ, *по согласію извѣстій своихъ съ источниками, неоспоримо достовѣрными*..... Небольсинъ упрекаетъ составителя Строгановской лѣтописи, что онъ выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ (а гнѣвная грамота Іоанна 1582 года?—скажемъ мы); г. Небольсинъ не заблагоразсудилъ подтвердить справедливость своего упрека, не привелъ ни одного такого выпуска; причина ясна, ихъ нѣтъ!..... Г. Небольсинъ вооружается противъ Карамзина, зачѣмъ тотъ относитъ составленіе Строгановской лѣтописи къ началу XVII вѣка..... Но объ архіепископіи говорится не въ началѣ лѣтописи, а въ заглавіи ея, которое ясно написано не составителемъ ея, а позднѣйшимъ переписчикомъ; въ самой же лѣтописи, въ концѣ, гдѣ слѣдуетъ ожидать извѣстій объ архіепископіи, ихъ нѣтъ. Въ концѣ читаемъ: «Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и о отпущеніи въ Сибирь атамановъ и козаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, и о похожденіи, ихъ казачьемъ» и т. д.—вотъ настоящее заглавіе памятника,

написанное самимъ составителемъ и измѣненное позднѣйшимъ переписчикомъ. Что же касается до извѣстія о распространеніи евангельскаго ученія во всѣхъ концахъ Сибирской земли, то это очень можно было сказать въ началѣ XVII вѣка: подъ Сибирскою землею разумѣлось не то, что мы теперь называемъ Сибирью, пространство отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго океана, но Сибирь въ тѣсномъ смыслѣ, «царство Кучумово». (см. дополненіе къ *VI тому «Исторіи Россіи»*).

Далѣе слѣдуютъ возраженія Соловьева по поводу толкованія царскихъ грамотъ самимъ Небольсинымъ. Эти возраженія, въ силу логической необходимости, приводятъ Соловьева къ вопросу о вотчинномъ правѣ въ древней Руси вообще и о поземельныхъ правахъ Строгановыхъ въ частности. За то тѣмъ болѣе интересны эти доводы авторитетнаго историка. «Небольсинъ упрекаетъ ученыхъ, прежде него писавшихъ о Сибири и о Строгановыхъ, въ томъ, что они не такъ, какъ должно, понимали грамоты, и прежде всего высказываетъ любопытное мнѣніе, что земли, данныя Строгановымъ, были даны имъ не въ вотчину, а въ поссессію, аренду, кортому! Но спрашиваемъ: въ какой грамотѣ г. Небольсинъ нашелъ опредѣленія срока пользованія данными землями, что было бы необходимо, если бъ онѣ даны были въ поссессію, аренду, кортому? Ошибка г. Небольсина тѣмъ важнѣе, что ведетъ къ неправильному пониманію древнихъ отношеній: *пустыя пространства, которыя давались для обработки и населенія, не имѣли никакой цѣнности въ глазахъ правительства: не могли они даваться*

на время тому, кто своимъ трудомъ, издержками дѣлалъ ихъ цѣнными, способными приносить правительству доходъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ». С. М. Соловьевъ въ разныхъ мѣстахъ своей многотомной исторіи Россіи подтверждаетъ эту мысль массою примѣровъ. Раздача пустыхъ земель въ постоянное владѣніе крестьянскихъ общинъ или отдѣльныхъ лицъ была самымъ выгоднымъ для правительства способомъ колонизаціи. Однажды отданная земля поступала обратно въ собственность казны лишь въ томъ случаѣ, если община, владѣвшая ею, распадалась путемъ отчасти вымиранія ея членовъ, отчасти переселенія, или если пресѣкался совершенно родъ отдѣльнаго лица, владѣвшаго землею на вотчинномъ правѣ. А съ фамиліей Строгановыхъ этого не было, почему и земли, разъ дарованныя имъ, всегда составляли ихъ неотъемлемую собственность. Поступавшія же обратно въ казну, за вымираніемъ рода, земли зачислялись въ разрядъ *черныхъ* или *государственныхъ* — и развѣ въ этомъ только смыслѣ жалованныя земли можно было называть собственностью государства. Такъ было не на Уралѣ только, не по отношенію къ однимъ Строгановымъ, а на всѣхъ окраинахъ нашего государства, со всѣми колонизаторами ихъ. Конечно, исторія будетъ осуждать Строгановымъ, какъ и всякую другую фамилію, если они представляли правительству пустыми земли заселенныя. Но на это нѣтъ прямыхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ, если и существуютъ кое—какія *предположенія*, не выгодныя для репутаціи фамиліи Строгановыхъ. Здѣсь мы не можемъ не привести еще одного мѣста изъ IV тома «Ис-

торіи Россіи» Соловьева, гдѣ онъ обстоятельнѣе развиваетъ свою мысль о способахъ правительственной колонизаціи въ древней Руси и о происхожденіи разныхъ видовъ частной земельной собственности. При чтеніи этихъ словъ не слѣдуетъ однако забывать, что рядомъ съ правительственной колонизаціей шла *вольная*, какова напр. колонизація Новгородскихъ повольниковъ, или казацкая на югѣ Россіи и въ Сибири, или наконецъ раскольничья, начинающаяся съ XVII вѣка. Эта вольная колонизація имѣетъ свою исторію, въ высшей степени интересную и поучительную. Понятно, что правительство всегда и вездѣ было *противъ* такого способа колонизаціи. «Князья могли распоряжаться землею, говоритъ С. М. Соловьевъ, принадлежащею ихъ волости, отдавая ее *въ полное владѣніе* членамъ своей дружины, съ правомъ населять ее всякаго рода людьми—вольными и невольными; могли распоряжаться землею, отдавая ее духовенству; наконецъ могли продавать ее богатымъ купцамъ или гостямъ, которые имѣли возможность населить купленную землю—вотъ разные виды происхожденія частной земельной собственности, вотчинъ. Но, съ одной стороны, для жителей городовъ и селъ существовала исконная привычка смотрѣть на земли, принадлежавшія ихъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе: земля принадлежала общинѣ, а не отдѣльнымъ членамъ ея; когда же община (какъ напр. Новгородская) потеряла свое самостоятельное значеніе предъ княземъ, то земля естественно стала государевою. Съ другой стороны, земли оставалось все еще много; какъ частные люди, землевладѣльцы, стара-

лись населить принадлежавшіе имъ участки, перезывая къ селѣ отовсюду земледѣльцевъ: такъ точно старолось и правительство о населеніи остававшихся у него пустыхъ земель....., *Правительству выгодно было, чтобъ пользованіе его землями продолжалось, какъ можно долѣе, переходило изъ рода въ родъ.*»

Здѣсь мы поканчиваемъ со столь сложнымъ и запутаннымъ вопросомъ объ исторической роли Строгановыхъ въ дѣлѣ покоренія Сибири и объ ихъ вотчинныхъ правахъ. Насколько удовлетворительно удалось намъ выяснить эту роль—судить, конечно, читателю. Здѣсь мы должны только выразить сожалѣніе, что по этому вопросу мы нашли сравнительно мало записокъ Ѳ. А. Волегова, хотя общій взглядъ его на дѣло достаточно выясняется и изъ того, что приведено выше, выясняется, слѣдовательно, и мѣсто его въ ряду другихъ ученыхъ, работавшихъ надъ изслѣдованіемъ этого вопроса до него и при немъ. Познакомимся теперь съ другими сообщеніями Ѳ. А. Волегова о Строгановыхъ.

5). Сообщенія Ѳ. А. Волегова по разнымъ другимъ вопросамъ въ исторіи рода Строгановыхъ.

Въ этой послѣдней главѣ нашего изслѣдованія мы коснемся многихъ второстепенныхъ вопросовъ въ исторіи «именитыхъ людей». Мы приведемъ новыя сообщенія Ѳ. А. Волегова о Строгановыхъ изъ его собственной рецензіи на извѣстную намъ книгу Устрялова. Но сначала укажемъ еще на одно возраженіе Волегова Строеву, написавшему въ № 50 «Сѣверной Пчелы» за 1843 годъ отзывъ о томъ же сочи-

ненiи Устрялова. Возраженiе это касается вопроса о прежней системѣ взиманiя государственныхъ податей и налоговъ.

Строевъ замѣчаетъ, между прочимъ, что раскладка поборовъ въ пользу государства съ имѣнiй Строгановыхъ производилась купцами, такъ какъ и сами именитые люди были *купцы*. Во второй главѣ мы уже привели возраженiе Волегова касательно купеческаго званiя Строгановыхъ; здѣсь выписываемъ его возраженiе на счетъ способа раскладки и взиманiя налоговъ. «Налоги и сборы опредѣлялись и производились купцами только съ промысловъ и пожитковъ Строгановыхъ, какъ это видно изъ грамоты 1692 года; но подати на вотчинныя ихъ имѣнiя и угодья налагались особыми окладчиками, извѣстными подъ именемъ *писцовъ* («писцовыя книги»), отъ времени до времени посылаемыми отъ правительства: купцы или общество ихъ въ этомъ распоряженiи нисколько уже не участвовали. А съ 1684 года рѣшительно воспрещено купцамъ окладывать Григорiя Дмитрiевича Строганова и съ промысловъ и пожитковъ, «для того, что напредь сего гость (т. е. купецъ) Ѳедоръ Юрьевъ съ товарищи во 171 (1663) году обложили отца его многимъ числомъ *съ посяжкою* (отъ слова: посягать) съ 250.000 рублей, не взявъ у отца его о пожиткахъ сказки; и потому ихъ неправому окладу взято въ казну лишнихъ денегъ 26.855 рублей 31 алтынъ 4 деньги, и въ тѣхъ переплаченныхъ деньгахъ онъ, гость Ѳедоръ Юрьевъ, стоялъ на правежѣ» (т. е. битъ палкой, вѣроятно, по ходатайству Строганова). Въ концѣ грамоты 1692 года весьма ясно сказано: «Да мы же, Великiе Государи, Наше Царское Величество, пожаловали

его, имянитаго человѣка Григорія Дмитріевича: буде назначенъ будетъ впредь съ него, Григорья, въ нашу, Великихъ Государей, казну какой денежной поборъ, и въ то время имать у него, Григорья, о пожиткахъ его и всякихъ промыслахъ сказки за его рукою и по тѣмъ сказкамъ съ пожитковъ и съ промысловъ его къ нашимъ, Великихъ Государей, поборамъ *окладывать его, Григорья, тѣмъ людямъ, кому Мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество, укажемъ, а гостямъ* (т. е. купцамъ) *его денежнымъ поборомъ не окладывать*». Въ своихъ «Историческихъ свѣдѣніяхъ о гг. Строгановыхъ» Ѳ. А. Волеговъ приводитъ изъ писцовыхъ книгъ много статистическихъ данныхъ, которыя совершенно отсутствуютъ въ книгѣ Устрялова, хотя онъ и зналъ о томъ, что *эти книги* сохранились (см. въ концѣ его книги опись документовъ). Волеговъ имѣлъ подъ руками при сочиненіи монографіи о Строгановыхъ слѣдующія писцовыя книги: а) по Пермскимъ имѣніямъ: Ивана Яхонтова 1579 года, Михайла Кайсарова 1623—24 гг., Девята Змѣева 1615 г., Ѳедора Чемезова 1641 г., Прокопія Елизарова 1647 г., князя Ѳедора Бѣльскаго 1678 г., Александра Феофанова 1682 г. и Козьмы Цезырева 1698—1699 гг.; б) по Сольвычегодскимъ имѣніямъ: Богдана Приклонскаго 1645—1646 гг. и Овцына и Пояркова 1682—1683 гг. Вообще писцовыя книги наши историки оцѣнили надлежащимъ образомъ и тщательно стали изучать недавно. Но Волеговъ, написавшій свою исторію о Строгановыхъ въ 1827 г. и дополнившій ее въ 1839 г., уже основывалъ свой трудъ на этихъ важныхъ источникахъ—далеко не послѣднее достоинство его труда. Кто желаетъ имѣть

понятіе о весьма важномъ значеніи писцовыхъ книгъ, какъ историческихъ источниковъ, можетъ обратиться къ вышедшему недавно сочиненію Одесскаго профессора Перетятковича: «Поволжье въ XVI—XVII вв.» Это исторія колонизаціи нижняго Поволжья за указанное время. Писцовыя книги въ соединеніи съ другими источниками дали автору возможность прослѣдить колонизацію края во всѣхъ подробностяхъ, буквально шагъ за шагомъ. То же можно сдѣлать и въ отношеніи къ Пермскому краю, если собрать вмѣстѣ всѣ писцовыя книги и сличить ихъ показанія съ другими источниками.

Мы распространились объ этомъ предметѣ съ цѣлью показать, какое значеніе придавалъ Ѳ. А Волеговъ писцовымъ книгамъ, какъ историческимъ источникамъ. Какъ видимъ, онъ опередилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ ученыхъ, писавшихъ о Строгановымъ. Теперь мы обратимся къ собственной рецензіи Ѳ. А. Волегова на книгу Устрялова. Выше изъ этой рецензіи мы уже заимствовали нѣсколько мѣстъ, а именно: возраженіе Волегова другимъ ученымъ, и въ ихъ числѣ Устрялову, по вопросу о происхожденіи Строгановыхъ, и мнѣнія Волегова, согласныя съ мнѣніями Устрялова, о значеніи званія именитыхъ людей и объ участіи ихъ въ дѣлѣ выкупа изъ плѣна Василія II. Здѣсь приведемъ разныя поправки и дополненія къ показаніямъ Устрялова по другимъ вопросамъ. Какъ всѣ другія статьи Ѳ. А. Волегова, и эта, весьма интересная и дѣльная, рецензія сохранилась только въ рукописи.

«Въ сноскахъ на стр. 7 и 8 Устряловъ говоритъ, что грамота 9 Апрѣля 1517 г., съ которой начинается рядъ фамильныхъ докумен-

товъ Строгановыхъ, дана на имя Степана, Осипа и Владиміра Ѳедоровыхъ, дѣтей Лукина, (т. е. внуковъ Луки, сыновей Ѳедора), и что въ родословность, представленной въ герольдію барономъ Александромъ Строгановымъ въ 1722 г., лица сіи не показаны, и оттого мы не находимъ въ ней Данила и Козьмы Строгановыхъ, жившихъ во время самозванцевъ (Акты археогр. экспед. II, 185). Упоминаемые здѣсь Данило и Козьма Строгановы, говоритъ Волеговъ, не были помѣщены въ родословную таблицу, представленную бар. Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ въ герольдію, потому, что составляли совершенно отдѣльную линію. У Ѳедора Лукича Строганова было пять сыновей: Степанъ, Осипъ, Владиміръ, Аѳанасій и знатенитый Аника. Упомянутые выше Данило и Козьма Строгановы принадлежали къ потомству Аѳанасія Ѳедоровича *)». Здѣсь мы обязаны упомянуть кстати еще объ одномъ весьма важномъ трудѣ Ѳ. А. Волегова по генеалогіи Строгановыхъ. Волеговъ составилъ весьма обстоятельную родословную Строгановыхъ, взявъ въ

---

*) Вотъ родословная: Спиридонъ—основатель фамиліи, жилъ въ концѣ XIV в.

Козьма

Лука

Ѳедоръ

Степанъ, Осипъ, Владиміръ, упомянуты въ грамотѣ 1517 г.

Аѳанасій, его потомство показано въ III главѣ.

Григорій

Данило

Козьма

основаніе ту, которая была представлена въ 1722 г. въ герольдію (при возведеніи Строгановыхъ въ достоинство бароновъ). Волеговъ дополнилъ прежнюю генеалогическую таблицу, пользуясь огромнымъ архивнымъ матеріаломъ, бывшимъ у него подъ руками. Онъ довелъ свою родословную до 1850 годовъ, т. е. до послѣдняго времени (авторъ умеръ въ 1856 г.). При изученіи исторіи Строгановыхъ эта родословная составляетъ необходимое руководство. Одно насъ въ ней крайне удивляетъ: въ ней упоминается о возведеніи Александра Сергѣевича Строганова въ графы Россійской имперіи 21 апрѣля 1798 г.; между тѣмъ въ другомъ трудѣ Ѳ. А. Волегова: «Усольская лѣтопись», напечатанномъ нами въ №№ 96—97 Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1882 г., этотъ весьма важный въ исторіи Строгановыхъ фактъ пропущенъ. Какъ могъ Ѳ. А. Волеговъ допустить такой промахъ? Раньше мы склонны были думать, что родословная Строгановыхъ составлена не имъ. Но вновь открытыя нами данныя заставляютъ насъ теперь сказать, что въ «Усольской лѣтописи» этотъ важный фактъ просто, по недосмотру автора за переписчикомъ, былъ пропущенъ. Во всякомъ случаѣ теперь достовѣрно, что Ѳ. А. Волеговъ былъ авторомъ какъ родословной, такъ и лѣтописи.

Ѳ. А. Волеговъ, помимо сказаннаго, дѣлаетъ весьма важныя поправки въ хронологіи Устрялова, показанной въ его родословной Строгановыхъ, которая приложена въ концѣ книги. «Сличая эту таблицу съ моими свѣдѣніями, говоритъ Волеговъ, которыя я считаю также достовѣрными, я нахожу разницу въ годахъ смерти нѣкоторыхъ лицъ.

	Годъ смерти по свѣдѣніям. *Устрялова.*	Годъ смерти по свѣдѣніям. *Волегова.*
Аникій Ѳедоровичъ скончался. . . .	послѣ 1566 г.	— въ 1570 г.
Яковъ Аникіевичъ	около 1579—	— въ 1578 г.
Григорій Аникіев.	около 1579—	— въ 1578 г.
Семенъ Аникіевичъ	около 1608 г.	22 окт. 1587 г.
Максимъ Яковлев.	около 1638—	въ 1623 г.
Никита Григорьев.	около 1620	— въ 1617 г.
Андрей Семеновичъ	—	въ 1649 г.
Петръ Семеновичъ	—	24 *мар.* 1639 г.
ДмитрійАндреевичъ	—	въ 1673 г.
Ѳедоръ Петровичъ	въ 1671 г.	такъ же
Даніилъ Ивановичъ	около 1681 г.	въ 1668 г.
Григорій Дмитріев.	послѣ 1715 г.	21 ноября 1715 г.

«Свѣдѣнія мои, замѣчаетъ Ѳ. А. Волеговъ, подкрѣпляются списками съ Сольвычегодскихъ надгробныхъ памятниковъ, старинным Орловскимъ синодикомъ *) и другими документами, а потому «достовѣрные» акты г. Устрялова не признаю вполнѣ достовѣрными. Да и выраженія его: *около* и *послѣ* сами собой обнаруживаютъ недостовѣрность или недостаточность его свѣдѣній».

Далѣе Волеговъ говоритъ объ участіи Строгановыхъ въ дѣлѣ усмиренія Черемисскаго бунта въ 1572 г. «Устряловъ сказалъ (стр. 12 и 13), что въ 1572 г. вспыхнулъ бунтъ въ землѣ Черемисской, мятежники подговорили Остяковъ,

*) Я лично разсматривалъ этотъ замѣчательный синодикъ Строгановыхъ въ бытность свою прошлымъ лѣтомъ въ селѣ Орлѣ, въ церкви котораго онъ доселѣ тщательно сохраняется; могу подтвердить справедливость словъ Ѳ. А. Волегова. *Авт.*

Башкирцевъ, Бупицевъ, вторглись въ Великую Пермь, разграбили на Камѣ суда и побили 77 человѣкъ торговыхъ. Строгановы поспѣшно вывели свои ратныя дружины, назначили имъ головъ или вождей и послали ихъ на Черемису»... Въ этихъ словахъ, продолжаетъ Волеговъ, есть маленькая ошибка и пропускъ въ изложеніи обстоятельствъ. Г. Устряловъ показалъ убитыхъ Черемисами 77 человѣкъ. Напротивъ, въ грамотѣ 6 августа 1572 года, въ Описаніи Сибирскаго царства Миллера, въ Сибирской лѣтописи, изданной Спасскимъ (т. е. Строгановской) и во многихъ другихъ документахъ говорится о 87 человѣкахъ «Пермичь торговыхъ людей и ватащиковъ», убитыхъ возмутившимися Черемисами, Остяками, Башкирцами и Буинцами. Разница въ числѣ убитыхъ, конечно, произошла отъ ошибки. Но это не важно. При этомъ случаѣ у Устрялова недосказано или пропущено то, что Строгановы не по одной своей ревности поспѣшно вывели противъ Черемисъ ратныя свои дружины, *а по царскому повелѣнію*, т. е. именно по грамотѣ отъ 6 августа 1572 г., которая послѣдовала по поводу донесенія о семъ происшествіи отъ Чердынскаго воеводы, князя Булгакова. Въ этой грамотѣ сказано: «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ выбрали у себя голову добра да съ нимъ охочихъ козаковъ со всякимъ оружіемъ и, донеся намъ, посылали бы войною на нашихъ измѣнниковъ, и котораго повоюютъ, тому тово животъ, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу». Значитъ, Строгановы только исполнили царскую волю, безъ всякаго впрочемъ пособія правительства: Черемисъ, Остяковъ и соучастниковъ ихъ смирили своими средствами». Какъ видимъ,

Волеговъ умаляетъ заслугу Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ, ради возстановленія исторической истины.

Слѣдующія возраженія Волегова Устрялову касаются Строгановскаго вотчиннаго раздѣла 1584 г. «Устряловъ пишетъ (стр. 14 и 15), что «обширныя помѣстья Строгановы раздѣлили на три части (вопреки Карамзину, который думаетъ, что Яковъ и Григорій завѣщали все свое богатство меньшему брату Семену): сѣверная, по обѣимъ сторонамъ Камы отъ Пыскорки до Инвы и Косвы, досталась Никитѣ Григорьевичу; средняя, правая сторона Чусовой, также правая сторона Камы отъ Инвы до Ласвы, Максиму Яковлевичу; южная, лѣвая сторона Чусовой съ лѣвою же отъ устья ея стороною Камы Семену Аникіевичу; *при* чемъ Устряловъ ссылается здѣсь на писцовыя книги Яхонтова 1579 г. и дѣловую запись на Чусовую отъ 22 сентября 1583 г.» Показаніе сіе, говоритъ Волеговъ, не согласуется съ раздѣльнымъ актомъ, состоявшимся между Семеномъ Аникіевичемъ и Максимомъ Яковлевичемъ 22 сентября 1584 г., на который Устряловъ дѣлаетъ ссылку, въ томъ во 1), что этотъ раздѣлъ состоялъ не между *тремя* сторонами, а только между *двумя*—дяди съ племянникомъ. Третій участникъ въ имѣніи, Никита Григорьевичъ, въ раздѣлѣ семъ не участвовалъ и оставался, по прежнему, владѣтелемъ Орловской своей части по раздѣльному условію 1579 г. и по окладнымъ книгамъ писца Ивана Яхонтова того же года, а потому подъ дѣловой записью Семена Аникіевича и Максима Яковлевича 1584 г. Никита Григорьевичъ подписался только *послухомъ*, т. е. свидѣтелемъ; во 2) несогла-

сіе заключается въ томъ, что граница участка Максима Яковлевича полагалась не отъ Инвы и Косьвы по Камѣ внизъ, а отъ Карышева острова: тутъ разница въ разстояніи отъ 25 до 30 верстъ по Камѣ».—«Далѣе г. Устряловъ (стран. 23), говоря о пожалованіи Андрею и Петру Семеновичамъ пустыхъ мѣстъ по Камѣ на 35 верстъ, выше Осинской слободы отъ Ошапа до Тулвы, не упомянулъ о пожалованіи въ 1597 г. Никитѣ Григорьевичу смежныхъ пустыхъ же мѣстъ на правой сторонѣ Камы отъ рѣчки Ласьвы внизъ до рѣчки Ошапа на 55 верстъ. Впрочемъ въ описи, въ концѣ книги, этотъ документъ въ числѣ другихъ упомянутъ подъ 1615 годомъ».

Затѣмъ Ѳ. А. Волеговъ еще разъ касается вскользь «Сибирскаго вопроса», вызвавшаго столько споровъ между учеными. «Г. Устряловъ говоритъ (стр. 15 и 16), что «Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ вмѣстѣ съ богатствами наслѣдовали умъ, дѣятельность, обширные замыслы отцовъ, и при содѣйствіи равно предпріимчиваго дяди своего Семена Аникіевича не замѣдлили Русскимъ громомъ огласить страну Сибирскую». Напротивъ, ходъ дѣла показываетъ, возражаетъ Волеговъ, что набожный смиренникъ, Никита Григорьевичъ, жившій въ отдѣльномъ своемъ имѣніи—Орлѣ, и не думалъ участвовать въ замыслѣ огласить громомъ страну Сибирскую; за что дядя его, Семенъ Аникіевичъ, и двоюродный братъ, Максимъ Яковлевичъ, жаловались даже царю, что Никита Григорьевичъ имъ не помогаетъ воевать противъ Сибирскихъ Вогуличей; и по поводу жалобы сей 6 ноября 1582 г. послѣдовало отъ царя повелѣніе Никитѣ Григорьевичу «ходить

войною противъ Вогуличь и Пелымскаго князя сопча за одинъ съ Семеновыми и съ Максимовыми людьми, что бъ всѣмъ уберечись». Въ остальномъ разсказѣ о завоеваніи Сибири Устрялова Волеговъ вполнѣ соглашается съ нимъ, по поводу чего и замѣчаетъ: «Надѣяться можно, что книжка Устрялова уничтожитъ до сихъ поръ существовавшее несправедливое мнѣніе, будто бы Ермакъ случайно забрелъ на Чусовую, и убѣдитъ, что онъ *призванъ былъ* Строгановыми на великое дѣло. Жаль только, что Устряловъ слабо и недостаточно выставилъ участіе Строгановыхъ въ покореніи Сибири». На послѣднія слова должно обратить особенное вниманіе: они убѣждаютъ, что самъ Ѳ. А. Волеговъ много писалъ о покореніи Сибири, такъ какъ Устряловъ сравнительно съ другими, какъ мы видѣли, еще довольно обстоятельно разсказываетъ это событіе; но мы нашли изъ этого многаго очень немногое: остальное, быть можетъ, уже утрачено навсегда.

Въ заключеніе своей рецензіи на книгу Устрялова безпристрастный Ѳ. А. Волеговъ отдаетъ должную дань уваженія автору. Вотъ его подлинныя заключительныя слова: «Нельзя не поблагодарить г. Устрялова за изданіе карты на имѣнія гг. Строгановыхъ съ присобокупленіемъ дачь Вагранской, Туринской, Лологской и Веслянской. Рисунокъ на Сольвычегодскій домъ Строгановыхъ весьма любопытенъ. Вообще можно сказать, что трудъ г. Устрялова объ «Именитыхъ людяхъ Строгановыхъ» хотя и *далеко не составляетъ полной ихъ исторіи*, но заслуживаетъ большой благодарности за то, что авторъ представилъ прошлое Строгановыхъ *довольно правдиво и большею частію согласно*

съ коренными фамильными документами, какіе удалось ему видѣть. И достопамятная грамота 1692 г. перепечатана аккуратно и тщательно за исключеніемъ нѣкоторыхъ пропусковъ противъ подлинника. Не могу однако не пожалѣть, что не попала въ руки г. Устрялову большая записка моя подъ названіемъ: «Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ»: она послужила бы ему немалымъ пособіемъ въ общемъ взглядѣ на исторію гг. Строгановыхъ и указала бы еще многіе источники, коими можно пользоваться при составленіи полной исторіи этой знаменитой фамиліи. Г. Устряловъ говоритъ, что при составленіи книги о Строгановыхъ прочиталъ болѣе 20 царскихъ грамотъ и до 80 фамильныхъ записей и другихъ документовъ. Вѣрю, потому что всѣ хранящіяся въ Петербургскомъ домѣ *графини Софіи Владиміровны* Строгановой фамильно—историческіе документы мнѣ извѣстны. Было время, когда я всѣ эти бумаги имѣлъ въ рукахъ, читалъ ихъ, многіе даже переписывалъ и составлялъ опись. Но это собраніе далеко еще не составляетъ *всѣхъ* документовъ о Строгановыхъ. Г. Устряловъ видѣлъ царскихъ грамотъ только болѣе 20, а у меня есть ихъ болѣе 100, да прочихъ документовъ наберется, можетъ быть, до 800—если не болѣе. Резумѣется, что всѣ мои документы состоятъ изъ списковъ и выписокъ: подлинныхъ я не имѣю». Затѣмъ выражается Ѳ. А. Волеговымъ дѣльная мысль о необходимости собрать всѣ подлинники въ одно цѣлое, и это полное собраніе документовъ сосредоточить въ центральномъ Петербургскомъ фамильномъ архивѣ. Въ провинціальныя же управленія Строгановыхъ разослать копіи со всѣхъ этихъ подлинниковъ. Рецензія заключается помѣткой: 11 марта 1843 года.

Мы исчерпали весь, до сихъ поръ собранный нами, научный матеріалъ для характеристики Ѳедота Алексѣевича Волегова, какъ историка Строгановыхъ. Весьма вѣроятно, что, съ отысканіемъ другихъ трудовъ его, эта характеристика окажется недостаточной: тогда мы можемъ дополнить ее въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Однако и сказанное здѣсь, надѣемся, достаточно выясняетъ научныя воззрѣнія историка Строгановыхъ, его критическіе пріемы, объемъ его спеціальныхъ знаній по исторіи Строгановыхъ и наконецъ то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ ряду другихъ ученыхъ, трудившихся въ той же области нашей исторіи. Мы не покидаемъ надежды отыскать со временемъ новыя данныя объ этой замѣчательной личности, отыскать другія его рукописи, хотя и должны сознаться, что доселѣ въ этомъ дѣлѣ мы предоставлены исключительно самимъ себѣ, своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ, что не мало затрудняетъ и замедляетъ наши поиски. Въ видахъ дальнѣйшаго преуспѣянія мы убѣдительно просимъ всѣхъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ разработки исторіи Пермскаго края, содѣйствовать намъ полезными указаніями на рукописные матеріалы, еще не извѣстные въ печати и разбросанные на всемъ обширномъ пространствѣ Пермской губерніи. Отъ неблагодарной работы библіографа мы никогда не откажемся.

Александръ Дмитріевъ.

(Извлечено изъ Пермск. Губ. Вѣд. 1884 г.).

Пермь. Типографія Губернск. Правл.